
ШКОЛА
ПРАВИЛА
ПРАВИЛА
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2454)

13 ИЮЛЯ 1974

ДИАЛОГ МИРА



Проводы на Внуковском аэродроме.

Третья советско-американская встреча в верхах завершилась на прошлой неделе, но ее знаменательные итоги продолжают широко обсуждаться во всем мире, оказывать самое благотворное влияние на современные международные отношения. «Вряд ли можно отрицать,— справедливо резюмирует корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Клейтон Фритчи,— что 1974 год стал самым мирным с конца второй мировой войны».

К этому выводу нетрудно прийти, если вдумчиво вчитаться в тексты соглашений и документов, подписанных в ходе последней советско-американской встречи между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном.

Эти соглашения и документы охватывают самый широкий круг вопросов, имеющих огромное значение не только для дальнейшего развития двусторонних отношений между нашими странами, но и для всего человечества. Будущие историки, несомненно, отметят тот факт, что именно советско-американские встречи на высшем уровне начала семидесятых годов XX века положили начало процессу разрядки международной напряженности, сокращению губительной и дорогостоящей гонки вооружений и устранению опасности истребительной ядерной войны.

Первостепенное внимание во время переговоров было уделено вопросам дальнейшего уменьшения военной опасности и ограничения стратегических вооружений. С учетом заключенных на предыдущих встречах основополагающих документов в этой области достигнута договоренность об ограничении систем противоракетной обороны обеих стран, о согласованном ограничении подземных испытаний ядерного оружия, о дальнейших усилиях, направленных на ограничение стратегических наступательных вооружений, о принятии мер, нацеленных на исключение из арсеналов государств химического оружия.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Ричард Никсон подписали Совместное советско-американское коммюнике, которое определяет магистральное направление дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Коммюнике охватывает самый широкий круг вопросов — разоружение, мир и сотрудничество в Европе, продолжение мирных усилий на Ближнем Востоке и в Индокитае, укрепление роли ООН, прогресс во многих областях советско-американских двусторонних отношений.

Руководители СССР и США выразили глубокое убеждение «в настоятельной необходимости того, чтобы сделать процесс улучшения советско-американских отношений необратимым». Эти отношения все более наполняются конкретным содержанием и охватывают почти все важнейшие стороны современной жизни человека: научно-техническое сотрудничество; освоение новых источников энергии; совмест-



Подписание советско-американских документов.

ное решение проблем, связанных с современными методами жилищного и других видов строительства; совместные усилия в целях решения одной из наиболее крупных и гуманных проблем современной медицинской науки — создания искусственного сердца; сотрудничество в освоении космоса; поиски новых видов транспорта будущего; охрана окружающей среды; дальнейшее развитие взаимного культурного обогащения.

В сферы всех видов этого сотрудничества будут включаться новые и новые массы советских и американских специалистов. Плоды их усилий станут достоянием народов нашей планеты, и потомки будут с благодарностью вспоминать те дни, когда в Москве и Вашингтоне, Ореанде и Сан-Клементе строился фундамент грядущего прогресса и счастья человечества, когда две самые могущественные державы мира от конфронтации перешли к диалогу мира и созидания.

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР рассмотрели сообщение Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева об итогах третьей советско-американской встречи на высшем уровне, полностью одобрили деятельность делегации Советского Союза и политические результаты прошедших переговоров, имеющих важное значение для укрепления отношений между СССР и США, для дела мира и международной безопасности.

Как жалко выглядят сегодня те, кто предрекал неудачу третьей советско-американской встрече на высшем уровне! В московском и ялтинском пресс-центрах нам, советским журналистам, приходилось встречаться с некоторыми из них. Они рыскали по улицам Москвы и Ялты, останавливали прохожих, задавали им провокационные вопросы, но, к их глубокому разочарованию, получали достойные ответы. Они пытались сбить нормальный ход работы пресс-конференций, но каждый раз попадали в незавидное положение, встречая убедительный отпор советского представителя, генерального директора ТАСС Л. М. Замятина и помощника Президента США и пресс-секретаря Р. Зиглера. Когда третьего июля завершал свою деятельность московский пресс-центр, группка журналистов-провокаторов осталась в жалкой изоляции. Подавляющее большинство американских, европейских, азиатских, африканских и латиноамериканских корреспондентов тепло, по-братски прощались со своими советскими коллегами, увозя с собой теплоту и гостеприимство нашего народа.

По просьбе журнала «Огонек» один из руководителей Симферопольского аэропорта, Т. Боярский, встретился с командиром личного самолета Президента США «Боинг-707» господином Ольбертази, который в общей сложности налетал 23 тысячи часов и 14 раз побывал в Советском Союзе.

— Советские люди, — сказал Ольбертази, — производят впечатление людей спокойных и уверенных в себе. Разрядка недоверия и международной напряженности идет на пользу обеим странам. Наши отношения становятся все более дружественными и душевными.

В дни советско-американских переговоров на высшем уровне нашу редакцию посетил видный деятель республиканской партии из американского штата Индиана, крупный бизнесмен В. С. Ваас, сопровождавший Президента США.

Он возглавляет корпорацию, в которую входят самые разные компании, в том числе и издательская. Поэтому В. С. Ваас проявил большой интерес к постановке издательского дела в нашей стране. Рассказав о своих изданиях и ознакомившись с работой «Огонька», он заявил:

— Я считаю, что встреча Президента США Ричарда Никсона и Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева имеет огромное значение для народов наших стран и для всего человечества. Обратите внимание



В посольстве США.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. Гостева, В Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).



хотя бы на тот факт, как много прибыло из нашей страны журналистов для освещения этой встречи, как подробно пишет о ней наша печать. Меня как бизнесмена очень интересует развитие экономического сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом, совместная деловая деятельность по осуществлению действительно больших замыслов.

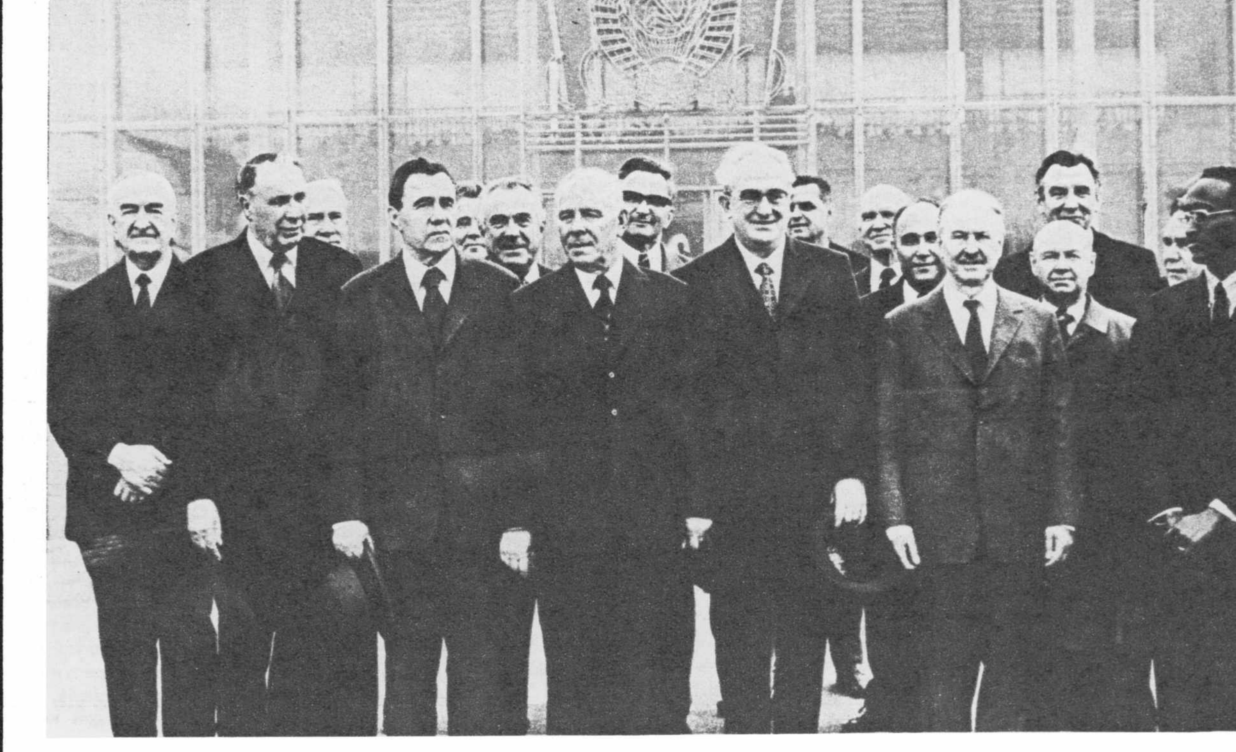
Обозреватель «Вашингтон пост» Крафт в своей последней корреспонденции из московского пресс-центра подчеркивал большое значение регулярных встреч руководителей СССР и США. Советско-американское сотрудничество, пишет он, набрало крейсерскую скорость. Военные обозреватели той же газеты Гетлер и О'Тул указывают на значение Договора между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Важность этого договора, по их мнению, состоит, в частности, в следующем: он показывает, что две самые мощные державы идут в направлении полного запрещения испытаний.

Отмечая, что Совместное советско-американское коммюнике охватывает широкий круг вопросов, агентство ЮПИ выделяет положение коммюнике о необходимости возобновления работы Женевской конференции по Ближнему Востоку, а также выраженное в нем пожелание скорейшего и успешного завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне.

По словам «Дейли уорлд», соглашение о содействии экономическому, промышленному и техническому сотрудничеству «укрепит и сделает более реальным мирное сосуществование, которое стало центральным вопросом нашего ядерного века». «Третья советско-американская встреча в верхах,— пишет польская газета «Трибуна люду»,— несомненно, войдет в историю международных отношений как событие, оказавшее важное положительное влияние на процесс разрядки напряженности, развитие мирного сотрудничества и дальнейшего ограничения угрозы ядерной войны». Кубинское агентство Пренса Латина указывает: «Новые переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном вопреки пессимистическим прогнозам определенных кругов на Западе конкретизировали важные меры на начатом два года назад пути последовательного торможения гонки вооружений».

Президент Соединенных Штатов Америки Ричард Никсон покинул Москву третьего июля, а на следующий день американский народ отмечал 198-ю годовщину своей независимости. Добрым подарком к этому празднику явились для американцев итоги третьей советско-американской встречи на высшем уровне. Эти итоги горячо одобряют все советские люди.

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»



Перед отъездом на Внуковском аэродроме. **Фото А. Гостева.**

ОТЪЕЗД Н. В. ПОДГОРНОГО В СОМАЛИ

Из Москвы в Сомалийскую Демократическую Республику по приглашению Президента Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики генерала Мохамеда Сиада Барре с официальным визитом 7 июля отбыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

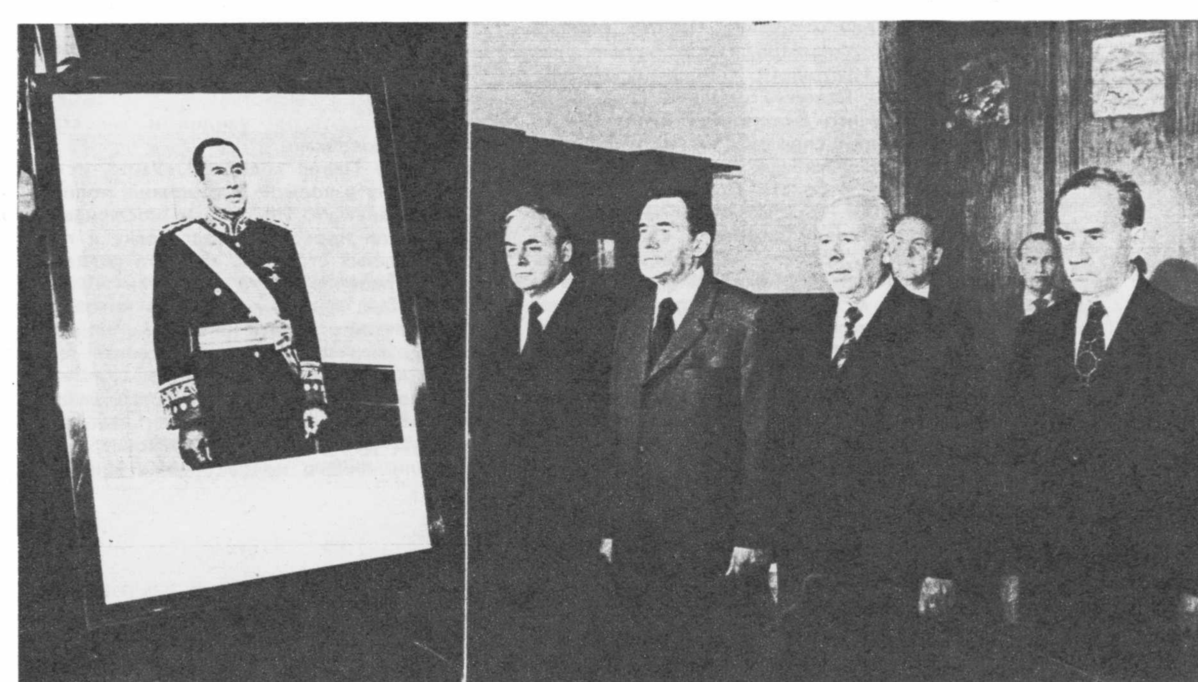
На Внуковском аэродроме Н. В. Подгорного провожали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Б. Н. Пономарев, заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, Г. С. Дзоценидзе, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков и другие официальные лица.

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА АРГЕНТИНЫ

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе 5 июля посетили посольство Аргентинской Республики в Москве в связи с кончиной выдающегося политического и государственного деятеля Аргентины президента Аргентинской Республики Хуана Доминго Перона.

Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, А. А. Громыко и М. П. Георгадзе от имени Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства и советского народа выразили глубокое соболезнование послу Аргентинской Республики в Советском Союзе Торкуато Альфредо Сосио и дипломатическому составу посольства в связи с кончиной Хуана Доминго Перона.

Советские руководители в посольстве Аргентинской Республики. **Фото В. Кошевого (ТАСС).**



Н. МЕЛЬНИКОВ

В

1

Вместе с инженером-баллистиком, старым знакомым, шагаю по влажной асфальтированной дорожке. Тучи уже развеялись, щедро проглянуло солнце. Судя по всему, если не день, то утро будет светлое, красивое. Мой спутник останавливается, слушает, как на разные голоса заливаются птицы в ближнем сквере.

— С собой бы взять космонавтам эти птичьи голоса,— говорю я.

— И взяли,— отзывается он.— Все земное взяли. Однако поторопимся. Еще прозеваем интересные моменты.— И он быстро зашагал к зданию Координационно-вычислительного центра, видневшемуся сквозь деревья.

— Не первый полет, небось, насмотрелись,— пошутил я.

Он не принял шутки.

— Да, есть такие, кто скажет: «Подумаешь, еще один полет!» В отличие от этих скептиков меня полет сразу захватил.

— Четкой работой? — спросил я. Это определение я слышал от инженеров и ученых в зале КВЦ.

— И точной,— определил мой собеседник,— старт, стыковка, переход на станцию, работа экипажа — все прошло, я бы сказал, на отлично. Люди, которые готовят полеты, управляют кораблем и станцией с командных пунктов, достигли космического мастерства. Не говоря уж о космонавтах Павле Поповиче и Юрии Артюхине. Разные они по характерам, но отлично понимают и дополняют один другого.

2

Дружба Павла Поповича и Юрия Артюхина началась, как ни странно, со спора. Как-то они, космонавт-ветеран и новичок, вместе работали в корабле-тренажере, имитировали полет по орбите. Инструктор создал нестандартную ситуацию. Павел Романович подсказал новичку, как и что делать. Тот исполнил, но после тренировки спросил: «А не лучше ли было так?..» И высказал свои соображения, противоположные совету Поповича. Они заспорили, Павел — горячо, Юрий — тихо, но неуступчиво. Попович заметил: «А ты упрямый! — И потом спросил: — Неужели и в полете будешь спорить?» «Там нельзя, в какие-то секунды, даже мгновения надо принять решение. Кто-то один должен принять»,— ответил Артюхин. «Право решения принадлежит командиру»,— уточнил Попович. «Не всегда. Возможно, лучшее решение будет у бортинженера. Тогда командир, оценив его, должен дать «добро». «Бывает и так»,— согласился Попович.

Молодые космонавты посмеялись над своим товарищем Артюхиным: «Высоко залетает»,— будто он, а не Попович побывал в космосе.

Павел Романович не слыхал этот разговор, только потом, узнав о нем, сказал с улыбкой: «Ничего, на земле не страшно спорить. В спорах, говорят, рождается истина».

Однажды Павел Романович доверительно взял Юрия под локоть: «Оказывается, у нас было похожее детство — с нагрузками-перегрузками. Но тебе досталось больше лиха — рос без отца». «Откуда вы знаете?» — удивился Артюхин. «Да кое-что знаю»,— загадочно ответил Попович, так и не сказав Юрию, что смотрел его личное дело, беседовал с бывшими сослуживцами. Он знал об Артюхине не кое-что, а многое — весь его путь, с детства, когда тот остался без отца. Отец — летчик, погиб в начале войны. Знал, как Юрий во время войны в эвакуации совсем мальчишкой работал на колхозной косилке — заменял взрослых, как после окончания Серпуховского военного авиационно-технического училища попал на отцовский аэродром, как в Военно-воздушной инженерной академии разобрал и отрегулировал электронно-вычислительную машину, как завоевывал первые места на лыжных и конькобежных соревнованиях.

Павел Романович изучал, как говорят в отряде, все «готовности» новичка. Как бы мимоходом заглядывал он в помещение, где занимались космонавты на тренажере «Союз». Артюхин готовился к полету на корабле. Опытный глаз Поповича подмечал: вдумчив, настойчив, точен. Весь сосредоточен на задаче. Попович видел его высокий, упрямый лоб, голубые сосредоточенные глаза, угадывал волевой, сильный характер. Надеялся: когда-нибудь полетит.

Когда открывалось «окошечко» — свободный час-полтора,— Павел всегда ходил по лесу, слушал тишину, пение птиц, журчание ручья. Как-то само собой получилось, что у него появился постоянный спутник — Артюхин. Они могли ходить без устали — оба крепыши. Или сидели с удочками на речке. Красота природы действовала на них по-разному: сдержанный, строгий Юрий смягчался, добрел, рассказывал различные истории, нередко и смешные. Открытый, темпераментный Павел здесь больше слушал, с любопытством смотрел на своего товарища, словно открывая его заново.

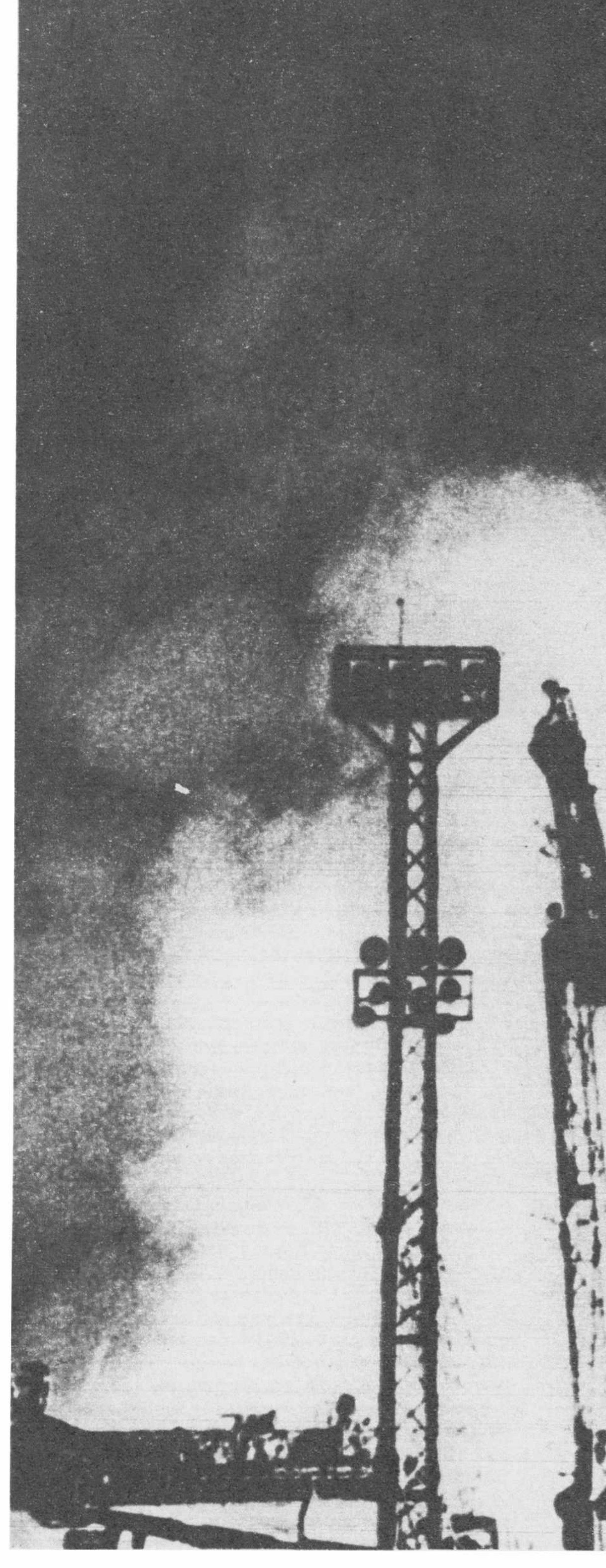
Зимними вечерами космонавты нередко превращались в азартных хоккеистов. В этих баталиях все выглядели как мальчишки — и герои, даже дважды герои, и космонавты, имена которых еще не прославились. Попович и Артюхин играли рядом, только на разных ролях: Павел подыгрывал Юрию, более сильному игроку. Понятно, и ошибался, невольно подводил лидера, но ни разу не слышал от него упреков. Артюхин терпим к ошибкам людей, особенно если сам виноватый их видит.

Все знали, что Попович — контактный человек, со многими людьми в дружбе, и поэтому его доброе отношение к Артюхину воспринимали как обычное явление. Сам Юрий тоже видел в этом лишь проявление открытого, доброго характера Поповича и ни о чем другом не думал, не гадал. И вдруг однажды Попович ему сказал: «Очень важно, с кем летишь вместе.— И тут же добавил: — Я бы с тобой полетел. Согласен стать бортинженером?» Артюхин даже растерялся: «Я-то с радостью. Но на чем лететь?» «Полетим на орбитальную станцию. Не скоро, правда, но будем готовиться. Договорились?» Они молча пожали друг другу руки.

Вскоре Артюхин увидел и эту станцию — правда, пока макет.

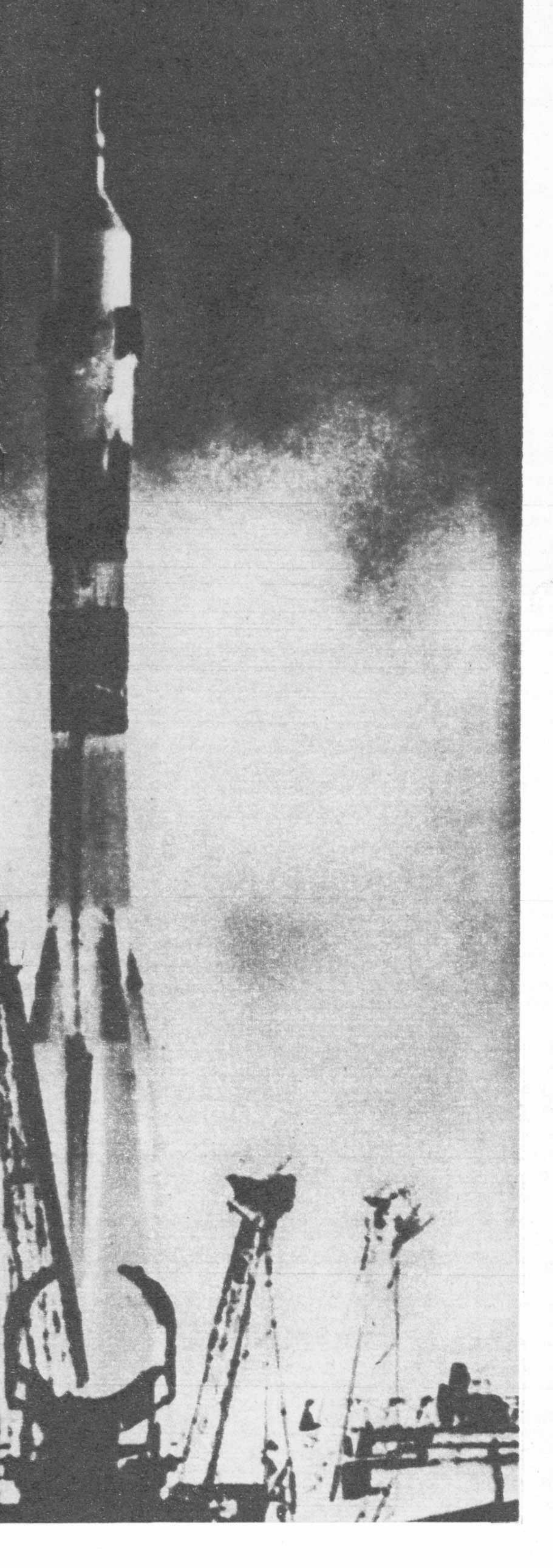
Раньше Павел говорил: «Умру, если снова не полечу в космос. Я одержим полетом. Любым. Фанатик». Некоторые космонавты тогда уже стали проходить подготовку к полету на орбитальных станциях. «Ну, это когда еще будет»,— разочарованно говорили товарищи. А Павел был целиком захвачен новой работой, жил мечтой о полете на станции вокруг Земли. Всему, что его захватывало, он отдавался умом и душой.

Полетная станция только создавалась, а космонавты от нее не отходили часами, изучая каждую деталь. Никому из конструкторов не мешали, ничего не требовали. Иногда Павел, посветив своей улыбкой, или Юрий, вглядевшись во что-то немигающими, полными любопытства глазами, предлагали: «А не лучше ли эти трубки выкрасить в разные цвета?» Или говорил: «Кресло придвинуть бы поближе». Конструкторы соглашались — красили, передвигали. А эти двое не отходили от станции. Видимо, мысленно они уже летали, уже работали на ней. Ночью им снилось это...



Старт ракеты-носителя с космическим кораблем «Союз-14».

ОКР



Экипаж корабля: Ю. Артюхин (на переднем плане) и П. Попович перед полетом.
Телефото специального корреспондента ТАСС А. Пушкарева.

ЫЛЕННОСТЬ

3

Я не могу отделаться от ощущения, что Павел Попович продолжает сейчас свой прежний, двенадцатилетней давности полет. И позывной прежний — «Беркут». Очень сходна атмосфера какой-то бодрости, уверенности, даже веселого настроя. «Я весело полечу»,— сказал он тогда перед стартом. И сейчас, как видно, на орбитальной станции он работает весело. Объясняется это тремя причинами: характером Павла Поповича, вторым его выходом в космос (вторичность дает более уверенную и свободную работу) и высоким профессионализмом, обогащенным «звездным» опытом. У Юрия Артюхина другое достоинство — глубина инженерных, научных знаний. В нем самом и вокруг него всегда порядок.

«Если бы спросили: с кем лететь в космос — я бы ответил без раздумья: с ними обоими. И не только потому, что они совместимые мне люди, они умелые исследователи. И они выполняют программу полета настойчиво, уверенно, точно».

Так говорят сейчас все космонавты.

МОНГОЛЬСКАЯ НОВЬ

Н. БЕСЕДИН

У дореволюционного монгольского художника Цаган Жамбы есть картина, которая называется «Восемь коней счастья». Она олицетворяет представление монгола о счастливой жизни. В центре полотна — гордый и могучий конь, символ свободы.

Через века пронес монгольский народ мечту о свободе. 11 июля 1921 года в стране победила Народная революция. Мечта стала явью.

Найдете ли вы сегодня под Москвой дом, который бы ничем не отличался от жилья времен Киевской Руси? Странный вопрос, не правда ли? А в Монголии и сейчас юрты внешне почти такие же, какие ставили столетия назад. Их можно увидеть рядом с домами, не уступающими по отделке и комфорту зданиям в Москве, Праге, Софии. Но куда бы вы ни заглянули — в традиционную юрту или в современную квартиру, вы всюду увидите приметы новой жизни сегодняшней Монголии. Особенно разительны перемены в уровне технической оснащенности промышленности и сельского хозяйства по сравнению с тем, что было несколько десятилетий назад.

Дореволюционная Монголия почти не знала таких сельскохозяйственных работ, как вспашка земли, сев злаковых культур, посадка овощей, заготовка сена. Сегодня республика имеет не только высокопродуктивные хозяйства, но и по уровню механизации работ не уступает развитым странам.

...Мы приехали в город Ундэрхан в Восточной Монголии для наладки оборудования ремонтно-механических мастерских. В высоком, просторном здании цеха я встретился с бригадиром наладчиков Борисом Кузнецовым, невысоким, худощавым парнем. Он показал мне свои «владения».

— Станки сложные, овладеть ими не так-то просто, — рассказывал Кузнецов. — Наши ребята и те не со всеми еще освоились. Знакомьтесь, это Дугэрдамба. — Кузнецов показал на молодого монгола, стоявшего возле продольно-строгального станка. — Ну, как дела? — подошел он к парню. — Ты раньше на таком работал?

— Нет, не видел даже. Я арат, Боря, пас в долинах табуны.

— А теперь решил жить по-другому?

— Теперь все монголы живут по-другому. Караван идет вперед, нельзя отставать.

Котельная, ответственность за пуск которой лежала на мне, была рядом. Признаться, сначала не верилось, что удастся все сделать в намеченные сроки. Из моих помощников только Базар, веселый, сообразительный парень, имел опыт работы. Он хорошо говорил по-русски — два года учился в Алма-Ате. Потом приехали техник Найдан и инженер Цэзэд.

В тот день я допоздна задержался в котельной. Проходя через главный пролет мастерских, услышал голос Кузнецова. Они оба с Дугэрдамбой сидели перед станком, и Борис что-то объяснял. Незаметно пролетели первые дни работы на новом месте, и постепенно родилась уверенность: мастерские будут пущены в срок. А когда были затоплены котлы, включены в работу системы контроля и автоматики, Базар как-то сказал мне:

— Идите обедать, Николай Васильевич, мы тут сами посмотрим.

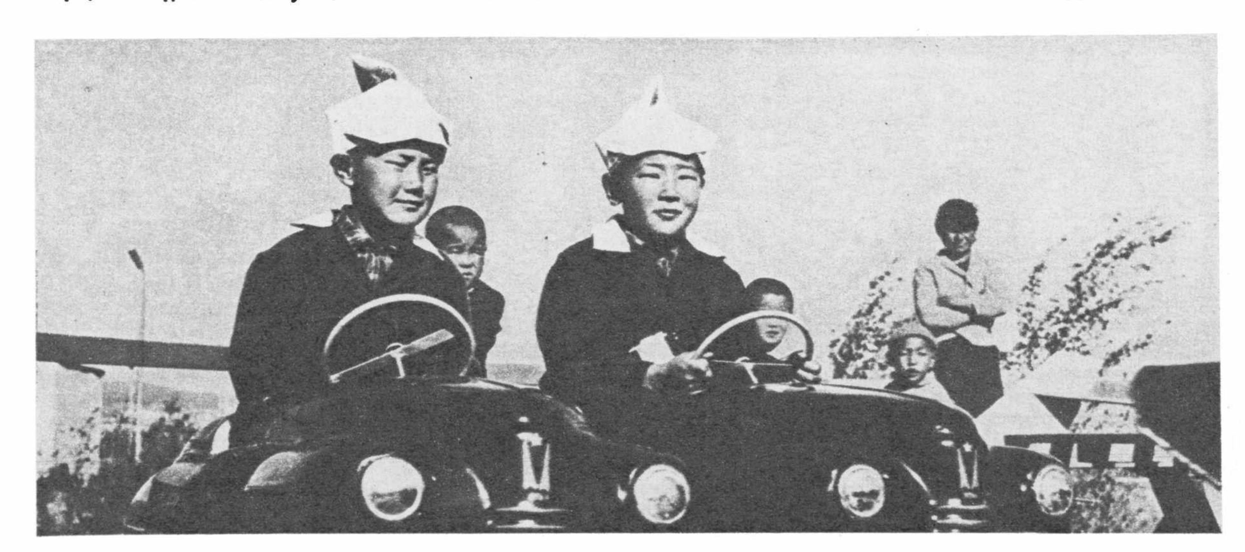
...Через несколько месяцев я встретился с Дугэрдамбой в Улан-Баторе. Он приехал на семинар станочников и пригласил меня вечером в театр. Я согласился и, как договорились, зашел за ним к концу занятий. Но в театр сходить не удалось: все участники семинара отправились сажать деревья в новом районе Улан-Батора, и я решил присоединиться. Мы сажали молодые лиственницы и тополя, пели монгольские песни и «Подмосковные вечера». А над нами в сгущавшихся сумерках зажигались окна многоэтажных жилых корпусов. Парк, который скоро зашумит здесь молодой листвой, — тоже примета новой жизни Монголии.

...Сомон Баяндэлгэр, центр сельхозобъединения, поражает обилием света.

Современный вид Баяндэлгэр приобрел в 1968 году, когда с помощью советских строителей были построены производственные помещения и жилые дома. Что же такое сельхозобъединение? Коллективизация в Монголии прошла очень трудный и сложный путь. Достаточно, например, сказать, что первые аратские объединения состояли из 4—5 человек. Малочисленным и слабым в экономическом отношении долгое время было и объединение «Хэрлэн Баян». С появлением современной производственной базы и новейшей сельскохозяйственной техники, с приходом на командные должности грамотных и энергичных специалистов хозяйство стало одним из самых рентабельных в аймаке. Теперь в сельхозобъединение входят свыше 300 семей, владения его составляют около 235 тысяч гектаров. Кроме животноводства, основной отрасли хозяйства, немалый доход благодаря поливным землям приносят полеводство и овощеводство.

Мы остановились в уютной гостинице и вскоре уже сидели с Бавуу, председателем объединения, за пиалами традиционного чая. Бавуу свободно говорил по-русски. Он был рад советским гостям и предложил осмотреть хозяйство. Мы увидели молочнотоварную ферму, оборудованную механической дойкой, автопоилками, транспортерами, котельную, гараж, больницу.

А вечером мы отправились в клуб на концерт самодеятельности. Люди всего сомона собрались в большом зале. Заведующая детским садом Басан Сурэн пела народные песни. Затем вышли девять молодых парней и весело, задорно исполнили плясовую картинку «Трактористы». Расшитые национальным орнаментом комбинезоны ладно облегали их фигуры, и я подумал, что эта одежда им идет ничуть не хуже традиционных дэли.



Новое поколение монгольских всадников.

Фото Д. Ухтомского.



▲

В одном из детских садов Пхеньяна. Будущее каждой страны — ее дети. Маленькие граждане КНДР окружены вниманием и заботой. Около $^2/_3$ детей дошкольного возраста воспитываются в детсадах и яслях на государственные средства.

Фото ЦТАК — ТАСС.

Антон
РЕФРЕЖЬЕ

АНСАМБЛЬ ХАРВЕЯ ФАЙТА

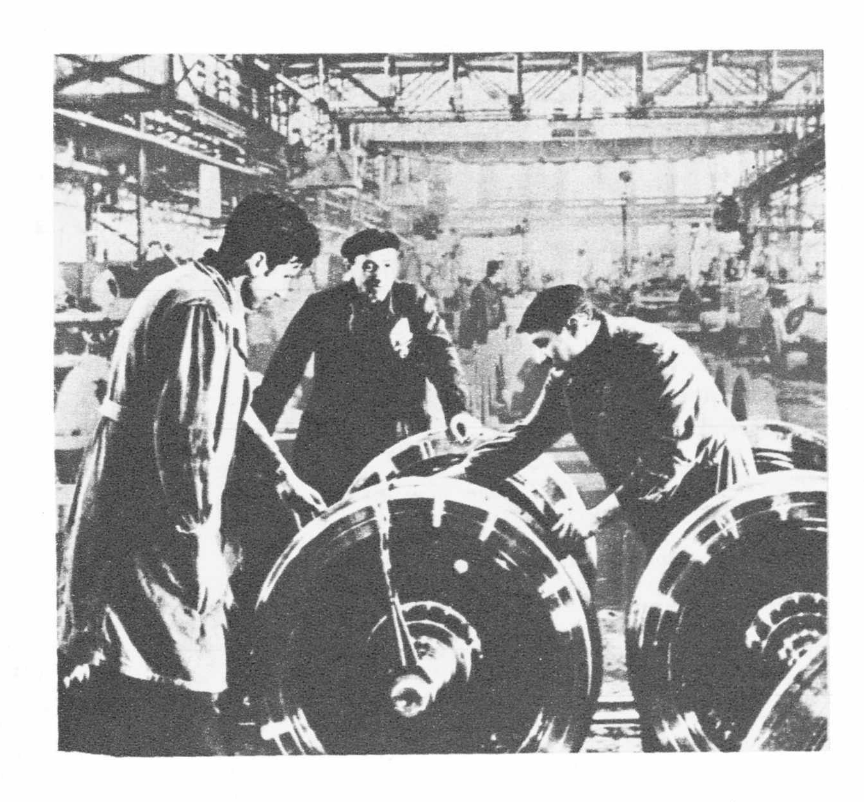
У подножия Кэтскилских гор, в двух часах езды от Нью-Йорка, находится удивительный скульптурный ансамбль.

Когда люди оказываются здесь и проходят вдоль серых каменных ярусов, которые живописно сочетаются с зеленью деревьев и водоемами, отражающими мозаику камней, неба, они не могут не ощутить величия этого сооружения, тесно связанного с окружающей природой и созданного руками человека.

Имя автора гигантского ансамбля — Харвей Файт. В Техасе юношей он изучал право, затем принимал участие в работе театральной студии, путешествуя с группой актеров и давая представления по всем Соединенным Штатам. Однажды за сценой он поднял деревянную катушку, брошенную театральной швеей, и вырезал фигурку. Это занятие так ему понравилось, что следующим, теперь уже постоянным увлечением Файта стала скульптура. Он начал вырезать из дерева,



СЛУЖАТ ИНТЕРЕСАМ НАРОДОВ



▲ В цехе машиностроительного завода «Прогресул» в Брэиле. Машины и оборудование, выпускаемые этим предприятием, известны и в нашей стране.

Фото Аджерпресс — ТАСС.

Народной Корее вот уже более четверти века. Республика уверенно идет по пути социалистического строительства. Ее надежные друзья — Советский Союз, другие социалистические страны. Воплощением их братской помощи являются фабрики и заводы, шахты и электростанции, строящиеся и уже работающие на корейской земле.

6 июля исполнилась 13-я годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой, подписанного в 1961 году. Этот документ скрепил еще более тесными узами отношения дружбы, исторически сложившиеся между народами наших стран.

Ярким проявлением крепнущей советско-корейской дружбы является проходящий сейчас в Советском Союзе месячник солидарности с борьбой корейского народа за вывод иностранных войск из Южной Кореи и объединение страны на мирной, демократической основе.

* * *

«...Вечная и нерушимая дружба, братская взаимопомощь и всестороннее тесное сотрудничество между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Румынией, основанные на незыблемых принципах социалистического интернационализма, отвечают коренным интересам народов обеих стран и всего социалистического содружества». Это строки Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и СРР, четвертую годовщину со дня подписания которого мы отметили 7 июля. Он создал новые возможности для развития тесного делового сотрудничества двух стран, фундамент которого был заложен в послевоенные годы.

высекать из камня, выражая в пластике свое понимание гуманизма и человеческого достоинства.

Художник поселился в Вудстоке, северной части штата Нью-Йорк. Как-то, гуляя, набрел на место, поразившее его своей красотой,— большую поляну с обширным заброшенным карьером, уже заросшим молодой порослью, среди которой виднелся деревянный ворот с поржавевшим тросом. Вдали возвышался массив горы Оверлук. Файт долго смотрел на груды разбросанных камней...

Он купил место у вдовы последнего из работавших здесь каменщиков, своими руками построил дом и студию с видом на гору, на самом краю карьера. Все необходимое для этого строительства находил в старых, заброшенных сараях, которые покупал, разбирал и с помощью арендованного трактора привозил на место. Вскоре он провел первую зиму в новом доме, работая над задуманным сооружением. А весной начал создавать своеобразный склон, ведущий из карьера, в котором когда-то добывали голубой камень для уличных мостовых. Большие глыбы вывозили в Глазго, затем по Гудзону — в Нью-Йорк. Позднее от местного камня отказались, карьер стал бездействующим, быстро зарос и забылся. А рядом с ним осталась груда малоценных сопутствующих пород, образовавших высокие насыпи.

В 1932 году Файт с археологической группой работал в Гондурасе, участвуя в реставрации древнего храма майя. «На меня произвели огромное впечатление,— говорил он,— глубина философского мышления и понимание специфики материала (камня), которыми проникнуто искусство этой удивительной цивилизации».

Через несколько лет, приняв предложение президента Бард-колледжа, где сам одно время учился, он организовал художественное отделение, начал преподавать скульптуру, а летом с одним из студентов работал в своей студии при карьере над несколькими большими статуями, темы которых — «Завтра», «Семья», «Любовь». Эти монументы он собирался разместить вокруг карьера на пьедесталах, сооруженных из обломков голубой породы.

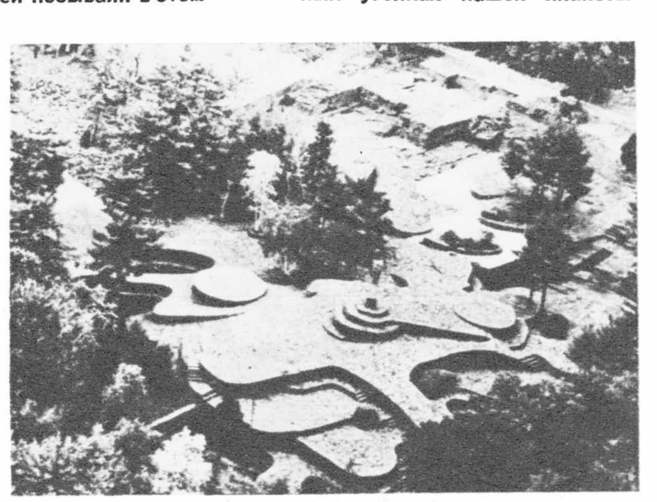
Постепенно нагромождения камней начали обретать форму, постаменты соединились. Почти все время, даже в летний зной, проводил Харвей в карьере, перетаскивал огромные глыбы, устанавливал и умело подгонял их друг к другу. С помощью ворота без посторонней помощи перемещал скульптуры из студии и устанавливал на пьедесталы. Монументы, грубо высеченные за долгие зимние месяцы, теперь доводились более тщательно, при этом учитывалась окружающая обстановка — деревья, горы, наклоны скатов. Год за годом, с первых дней весны до глубокой осени и первых снегов, Харвей Файт осуществлял свой замысел, который с течением времени становился яснее. Сначала он задумал лишь серию статуй, рассказывающую о братстве людей и напоминающую подобные образы из индийских храмов и средневековых соборов. Постепенно трактовка темы стала менее буквальной, но не менее гуманистической: широкие каменные ярусы изгибаются, сливаясь воедино в центральном монолите.

Сотни людей побывали в этом замечательном месте, пока скульптор трудился, — работа продолжалась около сорока лет. На последней стадии он соорудил амфитеатр. Ярусы мягко проступают в бурном цветении ранней весны, драматично вырисовываются на зимнем снегу, очаровывая зрителей певучей гармонией своих очертаний. Увлечение юриспруденцией обеспечило Харвею Файту чувство логики, театр помог ему раскрыть драматизм человеческих страстей. Все это, равно как и большая изобретательность, позволило художнику создать то, что называется бессмертным творением искусства.

Пройдут годы, изменится жизнь. Но по-прежнему будет стоять этот ансамбль, как стоят другие значительные творения человеческого таланта в разных уголках нашей планеты.



Харвей Файт за работой.



Общий вид ансамбля.

Я ПРИШЕЛ СЮДА, ЧТОБЫ ПЕТЬ

Алекс ЛА ГУМА,
лауреат премии «Лотос»

Когда 11 сентября 1973 года при штурме фашистскими танками дворца «Монеда» в Сантьяго погиб президент Сальвадор Альенде,— в ближайшей больнице, сраженный тяжелым недугом, находился величайший поэт мужественного чилийского народа. Он, наверное, слышал канонаду и думал о своих земляках, вновь проливающих кровь в борьбе против тирании.

Вскоре после гибели своего друга президента от руки убийц из военной хунты Пабло Неруда скончался от рака. «Хмурая смерть, птица с колючими перьями» унесла великого поэта Чили и всего прогрессивного человечества. Неруда — один из самых известных поэтов своего времени. Миллионы чилийцев и латиноамериканцев знают его стихи наизусть. В их сердцах он переживет зловещее безвременье хунты.

Неруда был поэтом двадцатого века, его поэзия насыщена нелегким опытом нашего времени. Величайший патриот своей страны, он снискал всемирное признание. Тот день, когда в 1971 году ему присудили Нобелевскую премию, был объявлен правительством Сальвадора Альенде национальным праздником.

Неруда родился в 1904 году в семье железнодорожника и школьной учительницы. Свою первую книжку стихов, «Сумеречное», он издал в девятнадцать лет. За ней последовало еще несколько сборников, в том числе книга «Двадцать стихотворений о любви и одна песнь отчаяния» (1924), которая прославила молодого поэта. В 1927 году он был назначен чилийским консулом в Рангуне и провел на Дальнем Востоке пять лет, побывал в Китае, Индии, Японии. В 1934 году Неруда получил назначение в Испанию. Сборник его стихов об испанской гражданской войне «Испания в сердце», вышедший в свет в Чили в 1938 году, стал ярким свидетельством неразделимой связи поэта с героической антифранкистской борьбой.

В начале 1940 года он был назначен чилийским консулом в Мексике. Вернувшись в Чили, Неруда с головой окунулся в политическую жизнь своей страны, шахтеры соляных копей избрали его в сенат. Вскоре Неруда вступает в коммунистическую партию. Когда правительство Народного фронта было вероломно свергнуто, Неруда стал одним из руководителей подпольной борьбы за освобождение Чили. Он принимал также деятельное участие во всемирном движении сторонников мира.

Этот портрет Пабло Неруды сделан Алексом Ла Гумой во время IV съезда советских писателей в 1967 году. А. Ла Гума — известный южноафриканский писатель, заместитель Генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

В те трудные годы происходила весьма важная эволюция Неруды как поэта. Выступая в 1949 году на латиноамериканском конгрессе сторонников мира в Мехико, он сказал: «Мы должны вернуть нашей земле силу, радость и молодость, которых она лишена. Мы не можем сидеть, сложа руки, в то время как поджигатели войны грабят наши богатства, а ханжи лишают нас радости. Мы должны одолеть наши беды и восстать из руин. Мы должны найти дорогу и указать ее нашим народам. Мы должны расчистить путь в светлое завтра, чтобы все люди устремились по нему».

В то время поэт осознал, что многие ранние его произведения «несут горькую печать мертвой эпохи... И я отказался от них». Жизненный опыт чилийского патриота и борца-антифашиста побудил его отвергнуть буржуазную эстетику, влияние которой заметно в его ранних стихах. Он начал свой путь в поэзии как новатор, несколько подверженный пессимизму и субъективистским фантазиям. Но постепенно всепоглощающее увлечение формой сменилось заботой о социальном содержании; от отвлеченного созерцания поэт пришел к революционной партийности.

Неруда был подлинно народным поэтом. Несмотря на фашистский террор, тысячи чилийцев провожали его в последний путь. В его стихах такая глубина чувств, такая искренность, такая правда, что многие люди, не понимавшие до этого поэзии, знакомясь с его стихами, открывали для себя этот удивительный мир. Стоит лишь прикоснуться к стихам Неруды, чтобы ощутить за ними человека безграничного обаяния и героизма, сумевшего выразить самые сокровенные чаяния миллионов. Он был прежде всего поэтом непокоренных.

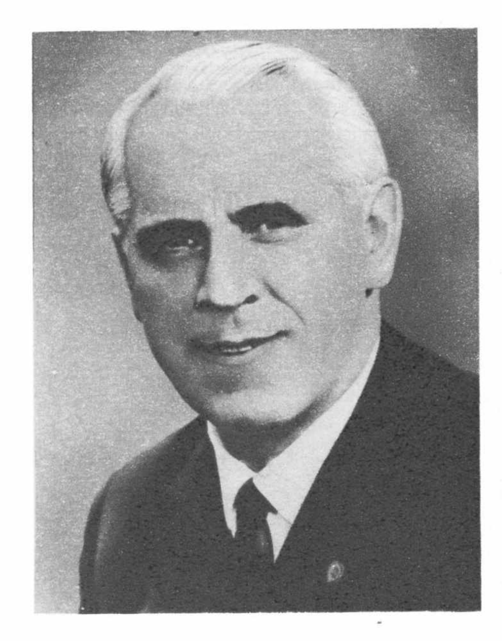
Пабло Неруда черпал вдохновение в жизни и борьбе своего народа и всего человечества. Его поэтическое завещание — монументальная «Всеобщая песнь». В этом произведении вся жизнь его страны, всего латиноамериканского континента, все многообразие его истории, географии, политики. «Всеобщая песнь» является величайшим сокровищем латиноамериканской поэзии. Ее дух выражен со столь присущей Неруде простотой: «Мой народ победит. Все народы победят».

В этом сама суть поэзии Неруды, сама суть нашей эпохи.

Молодчики чилийской хунты со свойственным всем фашистам вандализмом разграбили «Исла Негра» — дом Неруды в маленькой деревушке на берегу Тихого океана. Но для чилийского народа останутся путеводными его строки, написанные много лет назад:

Павшие братья, из безмолвия
Ваших голосов возникнет
оглушительный клич свободы,
И надежда народа станет гимном
всеобщей радости.

Перевел Р. **ВИКТОРОВ.**



Видному государственному и партийному деятелю Германской Демократической Республики, члену Политбюро ЦК СЕПГ, Председателю Государственного совета ГДР товарищу Вилли Штофу исполнилось шестьдесят лет.

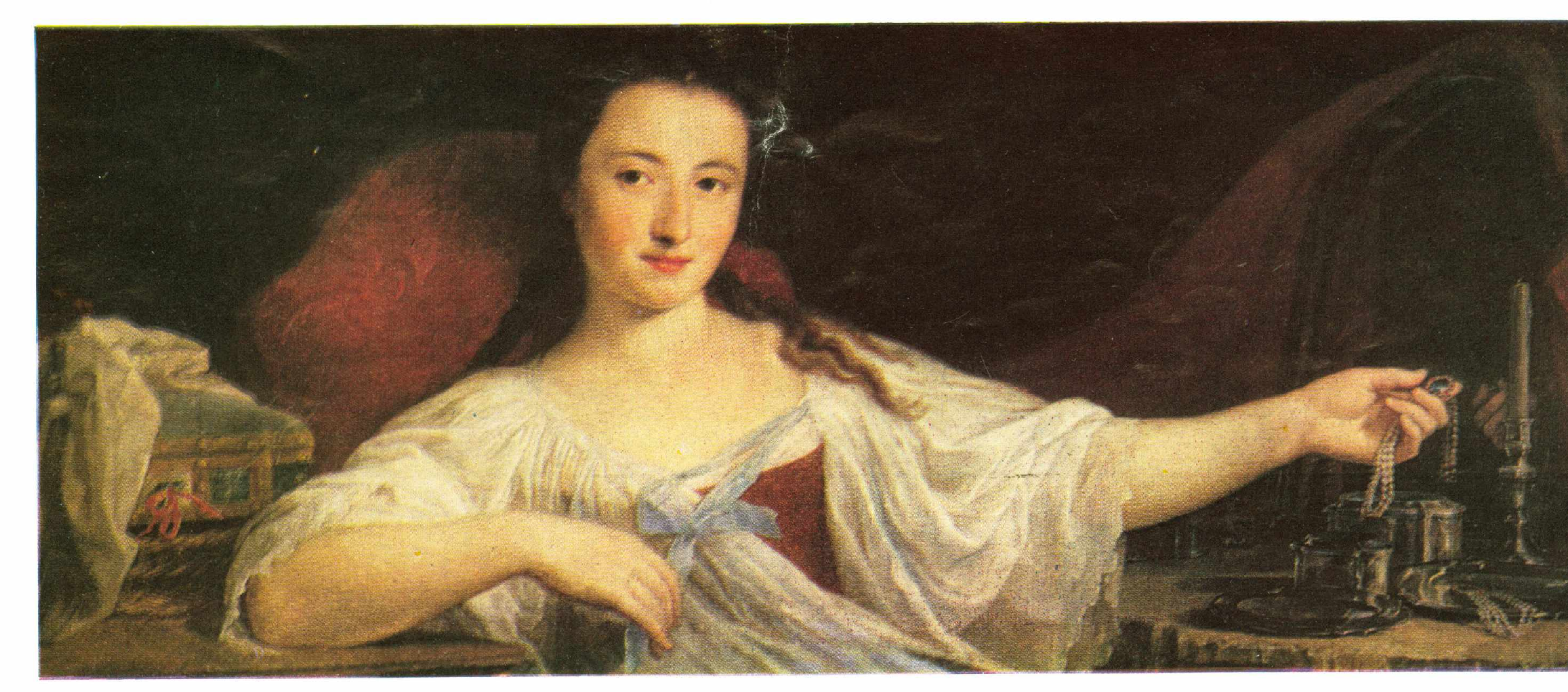
Товарища Вилли Штофа хорошо знают в нашей стране как стойкого и последовательного борца за дело рабочего класса, за развитие и упрочение первого социалистического государства немецких рабочих и крестьян.

В приветствии, направленном Вилли Штофу товарищами Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным и А. Н. Косыгиным, говорится: «... Вы внесли и вносите большой вклад в укрепление братской дружбы, развитие всестороннего сотрудничества между нашими народами и государствами».

Учитывая большие заслуги в развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества между ГДР и СССР и в связи с шестидесятилетием со дня рождения, Президиум Верховного Совета СССР наградил товарища Вилли Штофа орденом Ленина.

Помпео Батони. 1708—1787. БЕГСТВО ИЗ ТРОИ. Галерея Сабауда, Турин.

ДАМА ЗА ТУАЛЕТОМ. Музей Рима.





Пьетро Лонги. 1702—1785. КОНЦЕРТ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВИЛЬНЮСА

Фото В. САЛЬМРЕ и М. САВИНА.

Шел двенадцатый день наступления. Выполняя замысел операции «Багратион», войска 3-го Белорусского фронта вышли к границам Советской Литвы. Позади остались ожесточенные сражения за Витебск и Оршу, форсирование Березины, стремительный прорыв танковых корпусов к северной окраине Минска. Позади почти триста километров пройденной с боями белорусской земли.

Вечером 4 июля штаб фронта получил директиву Ставки — взять штурмом Вильнюс и выйти к Неману...

В канун 30-летия освобождения столицы Литовской ССР корреспондент «Огонька» Олег Скуратов встретился с генерал-полковником А. П. Покровским, бывшим в те памятные дни начальником штаба 3-го Белорусского фронта.



На командном пункте 3-го Белорусского фронта: командующий фронтом И. Д. Черняховский, член Военного совета В. Е. Макаров, начальник штаба А. П. Покровский.

— Скажите, Александр Петрович, какие силы нацелил фронт для удара на Вильнюс? Ведь значительная часть войск находилась под Минском, где вела бои с окруженным врагом.

— Пришлось в кратчайший срок произвести перегруппировку. Например, 5-я гвардейская танковая армия совершила труднейший двухсоткилометровый рейд от Минска до Вильнюса. Кроме танкистов маршала Ротмистрова, почетную задачу — освободить столицу Советской Литвы — получили войска 5-й армии генерала Н. И. Крылова и 3-го гвардейского механизированного корпуса генерала В. Т. Обухова.

Военный Совет 5-й армии обратился к войскам с воззванием. В нем говорилось: «Славные воины! Вы прошли Белоруссию из края в край... Вы вышли к границам Литовской Советской Социалистической Республики, вступили в Прибалтику, на землю братского нам литовского народа, страдающего в фашистской неволе. Вы несете ему освобождение! Пусть жгучая ненависть к немецко-фашистским захватчикам поведет вас на подвиги, на беспощадный бой за Вильнюс, за родную Литву!»

И войска буквально рвались вперед. Шестого июля танки механизированного корпуса пробились через вражеские позиции укрепленной линии «Оствапь» и, пройдя за день шестьдесят километров, подошли к городу. За ними устремились стрелковые полки 5-й армии. Стараясь не отстать от танкистов, командование армии передало пехоте все имеющиеся грузовики. К вечеру 7 июля главные силы 5-й армии находились в двадцати километрах от стен литовской столицы.

— Но в этот день 3-й механизированный корпус уже вел бой на улицах города...

— Танкисты попытались с ходу овладеть Вильнюсом, не дожидаясь стрелковых соединений. Должен сказать, что 3-й механизированный корпус представлял собой грозную силу. Даже после многодневных тяжелых боев в его составе имелось почти полтораста танков, до ста орудий. Ведомый отважным и опытным командиром — генерал-лейтенантом Обуховым, корпус с трех направлений атаковал город. Однако усиленный резервами вражеский гарнизон оказал танкистам ожесточенное сопротивление.

Примерно 8 июля в штаб фронта доставили немецкого полковника. На допросе он рассказал, что в Вильнюс только что прилетел из Берлина новый комендант генерал Штагель, пользующийся особым доверием Гитлера. Войскам зачитан приказ фюрера не сдавать Вильнюса ни в коем случае. В приказе город назывался «воротами в Восточную Пруссию»...

В тот же день наша авиация обнаружила крупные вражеские силы на железнодорожной станции, западнее Вильнюса. Разведка уточнила: там разгружались эшелоны боевой группы «Толендорф» в составе 12-й танковой дивизии и нескольких полков. Вскоре в штаб фронта поступило еще одно тревожное донесение: с севера идет к городу переброшенная из Германии усиленная бронебригада «Вертхерн». Разведчики насчитали в колонне до ста тридцати танков.

— Что же в этот трудный момент предпринял штаб фронта для отражения контрударов?

— Для выяснения обстановки командующий фронтом генерал армии И. Д. Черняховский выехал на командный пункт 5-й армии.

Командарм Н. И. Крылов доложил Черняховскому, что на угрожаемые участки уже направлены стрелковые соединения. Однако командующий счел это недостаточным. По его приказу навстречу наступающей бронебригаде «Вертхерн» двинулся 3-й механизированный корпус. А с запада Вильнюс прикрыли танковые соединения маршала Ротмистрова. Теперь пришла очередь разделаться с окруженным фашистским гарнизоном.

— Расскажите, пожалуйста, как разворачивалось сражение на улицах Вильнюса?

— Пехоту принято называть царицей полей. Но в поле и танк — царь. А вот в условиях большого города легче остановить бронированную машину, чем бойца с автоматом и десятком гранат. Основная тяжесть боев легла в эти дни на штурмовые группы 65-го стрелкового корпуса. Шли упорные схватки за каждый дом, каждый этаж. Гитлеровцы перекрыли улицы завалами, превратили толстостенные старинные дома в настоящие крепости. Но наши бойцы шли вперед...

Жестокий бой разгорелся на Базельской улице, в районе костелов. В развалинах углового дома фашисты установили пулеметы и не давали, что называется, поднять головы. Разведчики сообщили — в одном из костелов фашисты заперли жителей и готовятся поджечь здание. Тогда командир наступающей здесь части подполковник И. В. Куркин выкатил орудия на прямую наводку и под их прикрытием повел в атаку стрелковую роту. Взяв штурмом развалины, бойцы устремились к костелу. У охваченной пламенем стены закипел рукопашный бой... Когда сбили прикладами замок на двери, на улицу выбежали сотни спасенных.

2-я Витебская танковая бригада ворвалась в город со стороны вокзала. С насыпи у железнодорожного виадука гитлеровцы открыли ураганный огонь. На крутом спуске, что назван теперь улицей Танкистов, в яростном бою погибли два танковых экипажа. Но другие машины прорвались по вокзальной площади на улицу Шопена. Там путь преградил огонь орудий из углового здания, мостовую пересекал завал.

Танки остановились, и промедление могло обойтись дорого... Тогда из колонны выдвинулась тяжелая машина «ИС», на броне которой находился офицер оперативной группы бригады капитан С. И. Баталов и четыре бойца. Набрав скорость, танк с ходу протаранил завал, а Баталов с бойцами ворвался в здание. В скоротечном бою отважные воины уничтожили орудийную прислугу. К вечеру 8 июля бригада выбила противника с улицы Басанавичуса и достигла центральной части города.

Все туже сжималось кольцо вокруг окруженных вражеских войск. Продвигаясь, бойцы видели на мостовых огромное количество сброшенных с самолетов листовок. Командующий 3-й танковой армией гитлеровский генерал Рейнгардт уверял солдат, что к Вильнюсу подходят «громадные силы вермахта». Но фашистское командование уже не могло помочь окруженным войскам. 10 июля оно сделало последнюю попытку...

Свыше ста «юнкерсов» показались над Вильнюсом. Небо словно вспыхнуло разноцветными колпачками парашютов. Десант! В штабе армии разом зазвонили все телефоны: командиры дивизий докладывали о снижении парашютистов. Но большинство десантников приземлилось на улицы, уже занятые нашими войсками, и попало в плен. Не более двухсот гитлеровцев опустилось в расположении своих войск, и повлиять на исход сражения они не могли...

— Известно, что вместе с войсками 3-го Белорусского фронта в уличных боях участвовали отряды литовских партизан...

— Да, более десяти отрядов сражались плечом к плечу с нашими воинами. Еще в начале боев партизаны отряда «Смерть оккупантам» ворвались в город и совместно с танками Витебской бригa-

У ворот в Старый город. Первый час свободы.



Теперь и не верится, что здесь шли жестокие бои...



ды отбили у врага несколько улиц.

С командного пункта 5-й армии боевыми действиями литовских партизан руководила группа членов Центрального Комитета КП Литвы, возглавляемая первым секретарем ЦК товарищем А. Ю. Снечкусом.

— Когда же окончательно было сломлено сопротивление вражеского гарнизона?

— К вечеру двенадцатого июля положение группировки Штагеля стало критическим. Гитлеровцы удерживали лишь районы обсерватории и старой Лукишской тюрьмы. Удар 97-й стрелковой дивизии окончательно похоронил надежды врага вырваться из города. Решительно атакуя, воины подполковника П. В. Богатырева прорвались к Зеленому Мосту и лишили фашистов последней переправы через Нерис.

Во избежание ненужного кровопролития командующий 5-й армией предложил гитлеровцам сложить оружие. Репродукторы, установленные по всему кольцу переднего края, передавали ультиматум. «...Вы продолжаете бессмысленное сопротивление,— говорилось в обращении к немецким солдатам.— В результате только за день 12 июля вы потеряли в Вильнюсе 1 468 человек убитыми... Вы находитесь в глубоком тылу Красной Армии... Вам нечего рассчитывать на помощь».

Командование Красной Армии гарантировало жизнь всем, кто сдастся в плен. Но генерал Штагель уже заботился только о личном спасении. Приказав своим войскам прорываться на запад, он на штабном самолете вылетел из Вильнюса. И скоро на задымленных улицах показались первые группы вражеских солдат с белыми флагами.

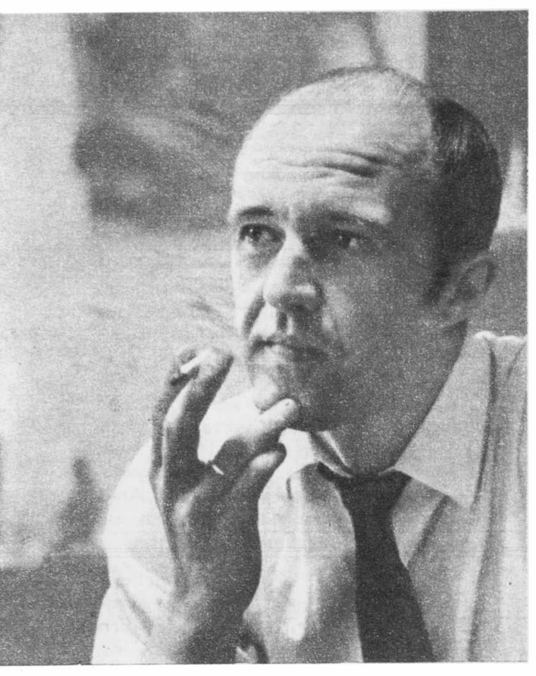
Через несколько часов радио донесло раскатистые, торжественные залпы. Москва салютовала войскам 3-го Белорусского фронта — освободителям Вильнюса. Шел незабываемый день — 13 июля сорок четвертого года...



Легендарная пулеметчица 16-й Литовской стрелковой дивизии Дануте Станелене, кавалер ордена Октябрьской Революции и трех боевых орденов Славы.



Гордость вильнюсских строителей — новый район Лаздинай.

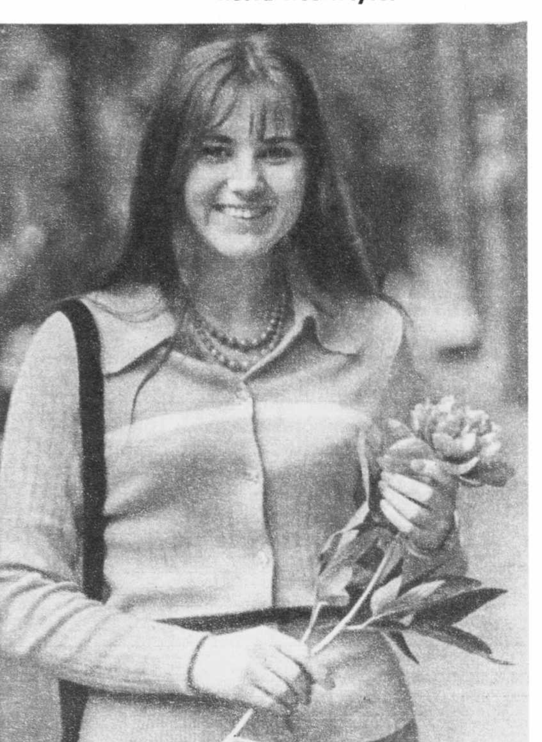


В художественной студии. Искусствовед Ионас Урбанас.

Памятник выдающемуся советскому военачальнику, дважды Герою Советского Союза генералу армии И. Д. Черняховскому.



Студентка II курса Вильнюсского государственного института Виолетта Ясевичуте.



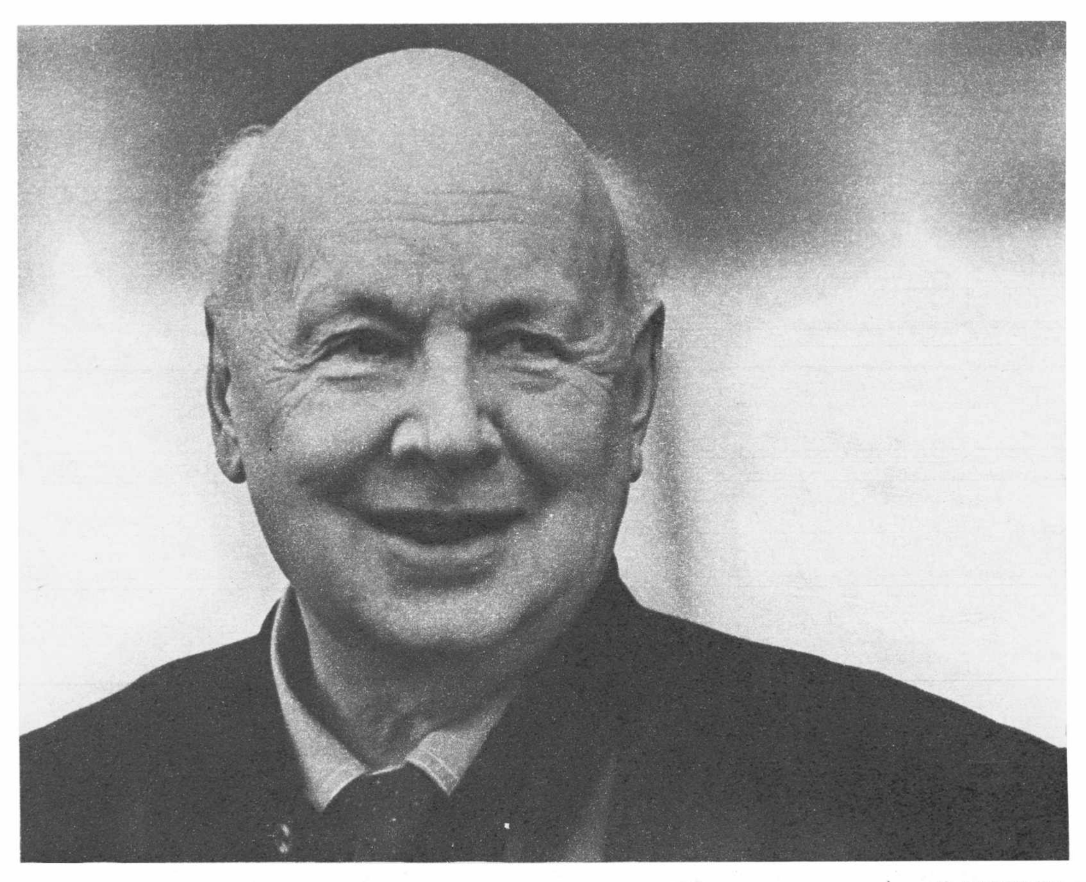


Фото И. ТУНКЕЛЯ.

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Вера МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР

Когда мне предложили написать в «Огонек» о Юрии Александровиче Завадском, я с радостью сказала: «Конечно! С удовольствием!..»

Я тут же села к столу. Взяла ручку и... надолго задумалась. Нет, не так это просто — написать о Завадском. Что сказать о человеке, когда он — это вся твоя жизнь, вся жизнь твоего театра, жизнь страны. Но сам-то он рядом! Где взять объективность? Что главное? Если главное — все. И вот Завадскому 80 лет. Не вижу, не чувствую! Эти долгие, оказывается, годы, прошедшие рядом с ним, будто один миг!

Я пробую, закрыв глаза, вспоминать.

...Вахтанговская студия на Мансуровском. Робкая, наивная, совсем девчонка, иду по коридору в святая святых — на экзамен. Мне навстречу вырастает высокая, очень стройная фигура в странной куртке из... одеяла и в валенках... А все вместе, как живописный портрет,— красиво, гармонично, пластично... Это Ю. А. Завадский.

Вот он сидит за столом. Пристальные, внимательные, ласковые глаза... А мы с Алешей Грибовым показываемся очень плохо! Провал. Прощай, театр!.. И тут Ю. А. Завадский, который смотрел, кажется, будто и не на нас, а куда-то насквозь, но увидел... Он поручился за нас! И нас приняли.

Вот эта способность увидеть главное, увидеть чуть-чуть намеченную искру, разглядеть ее, несмотря на все наслоения страха, скованности, закрытости, отличает нашего учителя от всех людей.

Он, как никто другой, умеет создать вокруг себя атмосферу, вселяющую желание трудиться, добиваться, преодолевать... До тех пор, пока не придет легкость, органичность, пока внутри тебя не возникнет ощущение свободы. Готовности играть.

Ю. А. Завадский считает, что мы, актеры, должны принести людям и потрясение и праздник. И невозможно этого достичь, если не найти его в себе: ведь каждый знает, что никакой праздник, даже праздник домашний, не удается, если ему не предшествует хорошо продуманная и организованная работа...

Мы, студийцы, с беспредельным старанием трудились, чтобы не подвести, не обмануть своего учителя. Сейчас, оглядываясь назад, понимаю: и Грибов, и Плятт, и Мордвинов, пришедший к Завадскому неуклюжим пареньком с Волги, ни Оленин, ни Абдулов, ни я не подвели и не обманули учителя. А сколько же было таких «неожиданностей» и позже — из пришедших в театр актеров, которые под его крылом «вылупились», ярко «оперились» из «гадких утят»!

У нас очень большой и очень интересный коллектив. Много актеров, пришедших уже не в студию, а в Театр Моссовета, имеющих теперь известность и любовь зрителей. О многих из них уже написаны и статьи, и книги, и двумя словами о них не скажешь. Скажу только, что они, как и я, дорожат каждым словом Ю. А. Завадского, каждым штрихом гримировальной кисточки (так как очень часто он сам замечательно положит тончайший грим, очень помогающий актеру). Есть выражение: «найти грим»,— то есть подчеркнуть основное в роли, найти то, чего к премьере недостает. И этот последний штрих делает Юрий Александрович.

Жажда творчества пришла к нему с колыбели. Раннее его детство окружала атмосфера любви к искусству. Его мать и тетки — хорошо образованные, талантливые музыкантши — не стали профессиональными артистками, но не могли жить без искусства. Они организовали «Михайловский кружок», где и заметил молодого Юрия Завадского Евгений Багратионович Вахтангов.

В то время Вахтанговская студия была притягательным местом для молодежи. Близкий университетский товарищ Завадского, поэт Павел Антокольский, привел Юрия в студию.

Широко одаренный человек, увлеченный в то время рисованием, Завадский пришел в Вахтанговскую студию художником. Однако театр скоро его увлек, как живое человеческое действие. Актерское и режиссерское начала взяли верх!

Вот как рассказывает Юрий Александрович о своей работе с Вахтанговым:

— У Вахтангова я научился связывать свое творчество с жизнью. Евгений Багратионович вел тогда репетиции «Гавани» Мопассана и чеховского «Злоумышленника». Репетиции были замечательны по своей реалистической силе и жизненной правде.

Так Станиславский Вахтангову, Вахтангов Завадскому передавали эстафету реализма, жизненной правды в искусстве, устремленности к народу, в народ. Этим заповедям Завадский следует всю жизнь.

Здесь, в Вахтанговской студии, сыграл Ю. А. Завадский первую свою роль: Антония в «Чуде святого Антония».

«Меня захватило ощущение мощи и смелости таланта Евгения Багратионовича Вахтангова. Все мы, его ученики, навсегда поверившие ему, чувствовали новаторское значение его экспериментов. Мне стали близки и дороги мечты Вахтангова о масштабном искусстве, о народном театре...» — пишет Ю. А. Завадский о том времени.

Я отлично помню его принца Каллафа в «Принцессе Турандот». Москвичи рвались на этот спектакль, а мы, студийцы, отыскивали закоулки в театре, лишь бы можно было видеть сцену, и с замирающим сердцем ждали этого чудесного зрелища, где все было стремительность и смелость, изящество и грация, живописная театральность... Тогда же молодого артиста приметил Константин Сергеевич Станиславский. И вот уже Завадский играет в «Горе от ума» Чацкого; он блистательный Альмавива в «Женитьбе Фигаро» на сцене Художественного театра.

Но больше всего Завадского влекла режиссура. Он слышал полифонию целого театрального действия. Глазом художника он видел простор «белого холста» сцены, на котором должна рождаться сложная композиция жизни — всех человеческих переживаний. Его влекло к постижению большой формы, влекла масштабность действия. И он видел свои пути, свои самостоятельные решения. Он «заболел» своим театром. Еще в Вахтанговской студии мы с упоением слушали, как он мечтал вслух, рассказывая увлеченно, заражая своими мечтами и замыслами так, что общение с ним становилось просто необходимостью. И когда Завадский с близкими друзьями, единомышленниками создал свою студию, мы с энтузиазмом бросились ему помогать.

Какое же это было великолепное время! Мы играли в случайных помещениях, которые сами же превращали в театр. Мы сами были и бутафорами и осветителями, сами мыли полы на сцене. Были и костюмершами, билетерами, кассирами... Никакой зарплаты мы, конечно, не получали — наоборот, для самых необходимых материальных затрат театра вносили по три рубля в месяц.

Студией Завадского увлекалась театральная Москва. За нами следили с добрым любопытством, с интересом и вниманием, чем могли, старались нам помочь.

Я хорошо помню знаменитый «Вечер трех Чацких» с участием Качалова, Завадского и Прудкина, игравших тогда в Художественном театре. Пела Ирма Яунзем. Станицын ставил нам акробатический номер для «Негритянского вечера», где Завадский гримировал нас под негритят. Со всех вечеров и концертов сбор шел в пользу студийных нужд.

Родилась эта студия ровно 50 лет назад, 1 апреля 1924 года. Всех нас привлекало и объединяло новаторство, провозглашенное Завадским и его друзьями, стремление к сценической правде, к искусству для народа. Три года мы не покладая рук трудились, и, наконец, студию признали театром.

В одном из переулков на Сретенке торжественно открылся театр под руководством Ю. А. Завадского. Это было счастливое время. Все было нам по плечу! Смелости, выдумки, энергии было не занимать, и каждая новая, самая невероятная задача, поставленная перед нами учителем, принималась с восторгом. Казалось, все мечты Завадского можно тут же воплотить в жизнь.

Понемногу создавался и репертуар театра. «Простая вещь», «Компас», «Вольпоне», «Ученик дьявола», о котором появилась добрая статья А. В. Луначарского... Мы по многу раз ее перечитывали, старались запомнить все замечания и пожелания наркома, радовались такому большому вниманию к нам.

«Простая вещь» (по Б. Лавреневу), «Волки и овцы» Островского — спектакли, снискавшие признание зрителей, тоже стали нашими удачами.

Уже много лет я играю на сцене. Многому научилась, знаю успех. Но всегда во мне живет особое чувство ответственности перед учителем. Даже вне театра, во время работы на телевидении, в кино, я неизменно проверяю себя: «А что сказал бы Юрий Александрович?» Со всеми сомнениями, со всеми вопросами мысленно обращаюсь к нему. Мы все, его ученики, привыкли во всем исходить «от Завадского», независимо даже от его присутствия. Но хвалил ли он меня? Нет, не припомню ни одного восторженного или особенно поощрительного замечания. Как бы подчас ни старалась я скрыть от него какую-то недоработку, спрятаться за актерскую технику — напрасно! Завадский мог полрепетиции срамить меня перед товарищами, и только гораздо позже я поняла, какой величайший не только сценический, но и человеческий урок получала я в это время.

А какое отчаяние видела я на лицах моих товарищей на репетициях, когда Завадский ничего не говорил, молчал и рисовал... Его молчание, его грустные глаза — это самый красноречивый приговор! Значит, все надо начинать сначала — искать, проникать в образ, пока не заговорит Юрий Александрович, пока не станет «распекать»...

В Головином переулке на Сретенке наш театр жил еще в большей мере романтическими мечтами. К нам сюда любили приходить зрители, нас хорошо принимали, но тогда еще не родился, а только наметился театр, который сейчас носит гордое имя Московского Совета.

И для Завадского и для всех нас это была еще школа, еще лаборатория: эксперимент на прочность, на создание традиций, главной чертой которых была тесная и живая связь со зрителем, с народом.

«Университетом» на зрелость стал наш «выездной период». В 1936 году мы поехали в Ростов-на-Дону, куда Завадского назначили художественным руководителем Театра имени Горького. Мы, последовавшие за своим учителем в Ростов, окунулись в совершенно новую для нас обстановку. Новые люди в труппе, новый зритель, сам город, огромная сцена — все было непривычно, многое пугало... И, разумеется, не просто откристаллизовывалось «зерно», посеянное Завадским в Москве.

С особенной тщательностью мы готовили «Любовь Яровую» и «Славу» — наши первые спектакли в Ростове. А к 1939 году в нашем репертуаре были Горький и Шекспир, Тренев, Погодин, Корнейчук... Набирая опыт, мы постепенно переходили к главному — к теме современности, образам советских людей, к духовной и гражданственной сфере нашего современника. «Павел Греков» — наш первый спектакль, где простой человек был показан в буднях, в труде и борьбе молодого Советского государства.

Москва следила за нашими успехами, строго замечала промахи. Однако время «университетов» шло к концу: Завадского снова позвали в Москву, и с 1939 года мы уже работали «дома». Здесь сразу же определилось творческое кредо режиссера.

— Нам чужда оригинальность ради оригинальности. Мы боремся за глубину и правду нашего искусства, используя для его выражения все возможности широко и верно понятого метода социалистического реализма... Искусство только тогда становится ценным, когда пронизано глубоким познанием законов жизни, и только тогда приобретает воздействующую силу, когда выражает коренные интересы народа,— так говорит Завадский, размышляя о театре.

К нам потянулись драматурги. Хорошо помню встречу с Афиногеновым. Он читал нам «Машеньку».

«Но кто же может играть эту девочку?» — думала я, разглядывая наших, вполне уже взрослых актрис. И неожиданно услышала голос Завадского: «Машеньку будет играть Вера Петровна!» «Я? Я не смогу!.. Я не смогу!» — думала я. Вся зажатая, с деревянными коленками, с мешающими мне, болтавшимися руками, вышла я на сцену, уверенная, что мне не сыграть четырнадцатилетнего подростка. Со страхом смотрела я на Завадского.

— Вот именно так! — сказал он.

Эта наивная угловатость, эта видимая «длиннорукость», моя искренняя неуклюжесть оказались как раз характерны для образа Машеньки. Внутреннее же обаяние героини, открытость ее чувств, бесхитростность порывов сделали Машеньку одной из любимых моих ролей...

В академическом театре имени Моссовета тема современности, образ человека — ровесника Времени — стали главной линией деятельности Завадского.

В стенах театра мы за глаза называем его «Ю. А.» или «САМ».

«Сам» в театре — «сам» сидит в зале,— значит, никакой неправды он не примет. На репетицию я готовлюсь: я должна все принести! Все, что я могу сделать дома, чтобы дать ему возможность увидеть самое важное и точное, что может осветить роль. Очень часто Ю. А. сидит в зале, слушает сцену и что-то чертит своими карандашами, может быть, рисует будущий грим или фантастическую мизансцену. Он не останавливает актера, и уже волнуешься: может быть, я делаю не так,— Ю. А. недоволен?.. И вдруг он вскакивает с кресла, юношеской походкой бежит на сцену и сразу строит рисунок, показывает тебе нужный ритм и почти неуловимую характерность, которую он в тебе усмотрел. И ты уже знаешь, о чем тебе думать, над чем упражняться, к чему стремиться...

Сейчас многие из нас удостоены высоких наград и званий; мы выезжаем полномочными представителями от московского искусства в разные страны мира. И всегда с нами, впереди нас и чуть-чуть над нами — наш учитель, наш большой друг, наш Ю. А. Завадский.

В сегодняшнем репертуаре театра «Петербургские сновидения» и «Последняя жертва» — мои любимые спектакли. Здесь снова Юрий Александрович в молодой, неувядающей режиссерской форме, не иссякает его палитра выдумки, блеска и выразительности. В них снова и потрясение и праздник, которому до сегодняшнего дня служит театр Завадского.

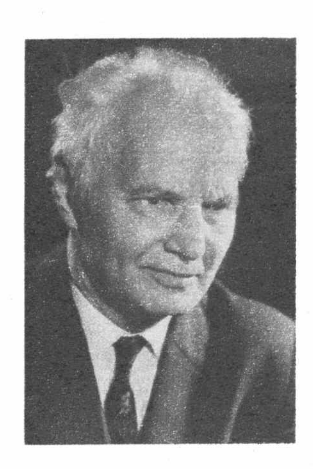
Стремительный бег времени неумолимо отсчитывает годы... А Завадский, будто его не замечая, всегда устремлен вперед. По-прежнему быстр его, всегда сопутствующий ему карандаш. Листочки, листочки, все испещренные маленькими рисунками. В них все настроение, все чувство Завадского, фиксирующего на бумаге свои думы. Эскизы мизансцен, наброски гримов; то балетные пируэты, то акробатические трюки и карандаши, множество карандашей. Просто любимые карандаши-сувениры, карандаши-коллекции, фломастеры,— и все «рабочие». Все они постоянно рисуют, вычерчивают — живут!..

Оказалось, что, думая о Завадском, писать можно без конца: рассказывать о спектаклях, о беседах, о письмах... Но все это лучше сделают литераторы, а мне пора поздравлять учителя с днем рождения. И как же это похоже на Ю. А.: к дню своего рождения он приходит с новой работой.

Завадский-актер возродился сейчас в эфире. «Граф Нулин», «Моцарт и Сальери», которые звучат нынче по радио,— только начало большой пушкинской программы, где Завадский предстал блистательным интерпретатором творчества гениального русского поэта.

В день 80-летия мы все шлем поздравление дорогому учителю и радуемся, что он с нами, полон сил и фантазии и готов вместе с нами отдать все лучшее, что у него есть, нашему дорогому зрителю, нашему трудовому народу.

Степан ЩИПАЧЕВ



СТРЕМНИНЫ ГОДОВ

САДЫ УКРАИНЫ

Тропа — то в тени, то на зное.
Пусть гостем, но снова я тут,
где, млечной дымясь белизною,
сады Украины цветут.

В них сто километров и двести
порой не длиннее строки.
Нет, нет и, как добрые вести,
коснутся плеча лепестки.

У времени разные мерки,
но точной, наверное, нет,
как нет и у славы. Не меркнет
в поэзии Рыльского след.

Тычины певучее имя
зовет, как дорога с утра.
Все так же, воспетые ими,
летят с Украины ветра.

Пусть жизнь и моя все короче,
не властны стремнины годов.
Недаром ложатся на строчки
душистые тени садов.

В ДОРОГЕ

Мне радости другой не надо.
И в старости живу такой,
с какой стоять не за оградой
от общей радости мирской.

За росчерком сверкает росчерк,
и, светом полня мне глаза,
поля и трепетные рощи
фотографирует гроза.

Он припоздал, июньский ливень,
и каждый колос потому
стоит под ним еще счастливей
и благодарнее ему.

Я тут всего проезжий путник,
глотавший пыль из-под колес,
но в радости районных будней
и мне дышать легко до слез.

В коридоре ГАИ стояли выпускники 18-й средней школы с Васильевского острова. Вместе с ними волновался и подполковник запаса Алексей Григорьевич Тыклин. Ребята сначала заглядывали в «Правила дорожного движения», а потом, когда уже и заглядывать не могли, сбились в стайку и принялись нервно шептаться.

Короче говоря, выпускники 18-й школы пришли в Ленинградское городское управление ГАИ сдавать экзамены на право вождения грузового автомобиля.

До 1971 года эта школа работала по обычным программам, а потом всем своим выпускникам вместе с аттестатом зрелости стала выдавать удостоверения профессиональных шоферов третьего класса. Для одних это профориентация, а для других — ремесло. Произошла серьезная реорганизация всего учебного процесса. Директор школы Ася Евгеньевна Рубцова начала перестройку с решительного шага — вместе с учениками записалась в первую группу по автоделу и вместе с ними сдавала в ГАИ все, что полагалось: и правила движения и практику вождения грузовых машин.

Есть в педагогике теория, что детей надо приучать к труду в раннем возрасте. Но чтобы труд не стал для них скучной обязанностью, первые навыки прививаются в игре. А в наш-то моторизованный век кто из ребятишек не играет в шоферов? Мы наугад спросили об этом академика, актрису и шофера-профессионала высокой квалификации. Ответ один: все в свое время играли!

И вот представьте себе радость первоклашек, когда преподаватель входит в класс и предлагает:

— Возьмите ваши тетради и нарисуйте автомобиль. Пусть каждый нарисует такой, который ему нравится больше всего.

Или на уроке физики:

— Сегодня мы будем исследовать автомобильный двигатель — не схему или рисунок, а мотор нашей собственной школьной грузовой машины ГАЗ-53А...

Так, за годом год, за классом класс — от игры к науке, от игры к профессии.

Пока первоклашкам снится тот яркий день, когда они сядут за руль и поедут — сначала вокруг школы, потом по проспекту Кима, а уж совсем потом по шоссе к заливу, у девятиклассников этот день уже наступил.

Основная подготовка начинается в девятом классе. В учебную программу входит новый предмет — автодело. Ему отводится восемь часов в неделю. На эти восемь часов ребята поступают в распоряжение преподавателя автодела Алексея Григорьевича Тыклина и инструкторов Вячеслава Ильича Спиридонова и Геннадия Всеволодовича Золотарева. В общей сложности в девятом и десятом классах отводится 450 часов на теорию и практику. В школе оборудованы специальные кабинеты. Стены увешаны автомобильными схемами: все узлы в разрезах и рисунках. Есть автоматическая система сигнализации дорожного движения — сидя за столами, ребята вначале осторожно, а потом все смелее нажимают кнопки. Алексей Григорьевич контролирует — кто «не туда заехал».

Оборудовать кабинеты помогли шефы из двух автомобильных предприятий: автоколонны 1108 и 38-го парка грузовых автомашин. Они сделали школе и главный подарок — автомобили, инструменты и оборудование.

Однажды в перемену на школьном дворе засигналил звонкий автомобильный гудок. Ребята кинулись к окнам, и сердца их дрогнули: с подножки нового грузовика им улыбался прошлогодний выпускник Саша Горячев.

— Все! Свершилось! — сообщил он.— Получил во какую машину!

Саша показал все документы, подтверждающие, что он стал полноправным шофером автоколонны 1108.

Девятиклассник Юра Андрющенко в кабинете автодела.

ИХ ЗОВ

Н. ХРАБРОВА
К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.



Андрей Антонов сдает зачет по двигателям.

— Прекрасно,— сказал Костя Коробкян только что сдавший в ГАИ все свои автомобильные экзамены. И для него это было действительно прекрасно: он собирается стать геофизиком, и в будущих экспедициях, конечно же, пригодится приобретенная в школьные годы вторая — шоферская — профессия.

Многие выпускники 18-й средней школы работают в ленинградских автохозяйствах шоферами и слесарями. А Леонид Азаров, выпускник 1973 года, получив водительское удостоверение, сказал ребятам:

— Уезжаю в Казахстан. На целину — хлеб возить!

И уехал. Вернулся оттуда каким-то новым — загорелым, возмужавшим.

Многие, конечно, поступают в институты. Но и здесь сказывается школьная профориентация — выбирают обычно автодорожные и транспортные факультеты.



УТ ДОРОГИ

Школьная, учебная.

Занятия ведет Алексей Григорьевич Тыклин.

Саша Горячев — частый гость в своей школе



С инструктором на зачет. Десятиклассница Надя Петрова и Г. В. Золотарев.



А. СОФРОНОВ

РОДЕО ИЛИ КОРРИДА!

Конечно, после Национальной галереи искусств смотреть в дождливый, ненастный вечер ковбойское зрелище «родео» — это все равно что лететь стремительно сверху вниз. Но во всяком зрелище есть свои преимущества. Тем более, что эти ковбойские игры имеют и свои достоинства перед, например, испанской корридой, где на твоих глазах медленно и расчетливо убивают красивого, широкогрудого, с бешеными глазами быка. Помнится, один из друзей-испанцев, когда несколько лет назад мы были в Барселоне, выходя с нами на улицу, после того, как четверо битюгов выволокли последнего приконченного быка, заметил:

— А чем, собственно, мы, человеки, отличаемся от таких быков? Мы так же, полные сил, выскакиваем на арену жизни, но уже вскоре получаем первый укол... Затем второй... Третий... Мы мотаем головой, стонем от боли, но противника не видим... А если и видим, то поднять его на рога не можем... Затем нам всаживают в живое мясо еще и еще раз всякие острые предметы, в обиходе называемые холодным оружием. Ноги подкашиваются, нас шатает... И тут появляется главный тореро, который, если квалифицирован, приканчивает нас мгновенно, а если не столь высокой квалификации, то растягивает данный процесс на более длительный срок, но так все же, чтобы уложиться в положенное время... Ибо своей участи уже ожидает другой... А затем нас волокут, правда, более совершенным видом транспорта, в автомобильном катафалке...

— Слишком мрачновато,— заметил я тогда своему знакомому.

— Реализм,— ответил он, весело улыбаясь, всем своим видом показывая, что сравнение это пришло к нему не сегодня.— Понимаю, коррида — наше национальное зрелище, но я никогда не принимал его и удивлялся этой странной страсти Хемингуэя, такого тонкого знатока человеческой души. Впрочем, кто вас поймет, писателей?

Здесь, в Вашингтоне, на родео никакой крови и смертоубийства не было. Когда-то, в первый приезд в Штаты, мы были уже на таком зрелище в Сан-Франциско. Помнится, это было днем, и помещение, где происходило родео, не было столь огромным, как этот цирк в Вашингтоне. Здесь появилось и новшество — четыре огромных телевизионных экрана, квадратно водруженных высоко над ареной, чтобы зрители имели возможность видеть, что происходит во всех точках арены. И бычки здесь были небольшие, но некоторые даже с норовом, а некоторые ленивые,— не хотели выскакивать на арену; не желали, чтобы на их короткую крепкую шею бросали лассо, подсекали на скаку и мгновенно связывали спрыгнувшие с коней ковбои. К чести бычков, два-три из них так и не дали повязать себя, а волочили за собой по арене ковбоев и под свист зрителей были загнаны в бревенчатые отсеки. Впрочем, свист этот уже не имел никакого отношения к бычкам. Я смотрел на публику. Это и были, собственно, самые обыкновенные американцы, не просто простые, а сверхпростые. Одетые в яркую синтетическую дешевую одежду, что так роскошно получается на цветных фотоснимках, они создавали фантастическую иллюзию сверхобеспеченности и высокого вкуса моды. Папы и мамы пришли на родео с детьми и даже грудными, которые беспрерывно ревели. Детишек чуть постарше, посадив себе на бедра, мамы несли наверх к выходу, а затем возвращались, чтобы через полчаса снова отправиться в это необходимое путешествие. Где-то перед концом представления, в перерыве между родео и концертными номерами, по радио мы вдруг услышали слова привета нашей группе. Это был знак внимания к нам со стороны хозяев.

Погас экран телевизора, мы вышли на воздух. Дождя уже не было. Дул пронизывающий, студеный ветер. В просветах облаков виднелись звезды. Невольно подумалось: если хочешь все забыть и ни о чем не думать, иди на родео, смотри на бычков, слушай свист лассо, многократно усиленный первоклассной звукотехникой; смотри на ловких ковбоев и особенно ковбоек, грациозно мчащихся по арене. А потом выходи под студеный ветер, и все будет в порядке. В порядке еще и потому, что зрелище это при всей его бездумности все же чем-то близко к спорту. Ковбои бычков своих берегут — им с ними работать. А главное, нет одурманивающего запаха теплой крови, перемешанной с опилками, по которым четыре битюга волокут на разделку к мясникам бездыханную кровавую тушу.

Нет, я все же за родео!

ДОРОГА В НЬЮ-ЙОРК

По нашему плану после Вашингтона нам предстояло еще пробыть два дня в Нью-Йорке. На этот раз перемещение должно было произойти поездом. Для меня приезд в Нью-Йорк поездом был впервые. Так уж мы привыкли к авиации. Быстротекущий век, его ритмы изменили как бы и структуру современного человека и его представления о жизни. Иной раз думаешь: поезд? Да это же роскошь! Сколько непроизводительно затраченного времени! И вдруг — поезд? Да еще с работниками нашей авиации... Но именно наши авиаторы и предложили — поедете поездом. До Нью-Йорка недалеко, всего три с небольшим часа. И вот, покинув Вашингтон, сидим мы в специально выделенном, удобном «сидячем» бескупейном вагоне и смотрим в окно на пробегающие мимо окон городские и сельские пейзажи. Так уж как-то повелось в человечестве, что оно, словно сговорившись, выносит городские свалки и всяческий мусор по обе стороны железнодорожных полотен, словно рассчитывая на то, что обитатели вагонов или не заметят их за газетным чтением или вздохнут и скажут: какие контрасты. Мелькающие трубы цементных заводов. Деревянные и бетонные склады. Старые кладбища. Стоянки новых автомашин и горы ржавых автомобильных остовов...

По вагону ходит проводник, большой полный негр с добрыми глазами, и предлагает каждому то ли бутылочку калифорнийского вина, то ли пива, то ли кока-колы. На выбор. И бутерброды с сыром. Тут без выбора. Проводник извиняется,— так завезли, и смотрит на каждого из нас глубокими добрыми глазами. Мы сидим вместе с Яковом Ломко — главным редактором газеты «Москоу ньюс». Он неторопливо просматривает «Вашингтон пост».

— Опять они...— говорит Ломко и брезгливо откладывает газету.

— Кто?

— Отщепенцы... Где они их подбирают? На какой свалке нечистот? Не на этих ли?

Я беру газету. Верно. Среди прочей газетной шелухи подвальная статья, в которой три никому не известных фамилии. Опять Солженицын. Опять «еврейский вопрос». Неужели не надоело? Да нет, конечно. Чем же еще заниматься антисоветчикам? Где фабрикуются эти материалы? Кто их знает. Но вот что такие солидные газеты, как «Вашингтон пост», публикуют заведомо ложные материалы, это даже не грустно, а смешно.

К нам подсаживается один из сотрудников Аэрофлота, работающий в нью-йоркском представительстве. Взгляд его останавливается на газетной полосе.

— А знаете, как оборачивается так называемый «еврейский вопрос» здесь? К нам в нью-йоркское отделение то и дело приходят люди еврейской национальности... Их здесь так и называют — «неприспособленные», просятся на работу. Жалуются на жестокую конкуренцию, на тяжелые условия жизни. А сколько таких в Риме! В Вене!

...Поезд останавливается возле какой-то станции. На перроне два-три железнодорожника. Вокруг — никого. Только стоит большая клетка, в которой сидит грустная собака.

Поезд трогается. Мы пересекаем широкую реку. На реке рыбачьи лодки. Кто-то громко вздыхает: «Эх, неплохо бы...» Слышится ответ: «Обожди до Клязьмы». Глаза отдыхают на густо-зеленых лесах и широких озерах, вдруг появившихся слева от нас. Вдали показались небоскребы. Добрый негр собирает в бумажный мешок пустые бутылки. Поезд подходит к станции. Темный, неосвещенный перрон. Кажется, что въехали в ночь. Нас встречают аэрофлотовцы. По бесшумному эскалатору с перрона мы поднимаемся в день и выходим на привокзальную улицу, где стоит автобус. Каждому из нас вручают рекламный проспект отеля «Билтмор», на котором напечатаны фамилия и номер комнаты, в которой мы должны поселиться на эти двое с половиной суток, прежде чем снова подняться с аэродрома Кеннеди и взять курс на Москву.

В ГОСТЯХ У «ПАН АМЕРИКЭН»

Полтора десятилетия носил я в памяти американскую авиакомпанию «Панагра». И память была недоброй. Однажды, когда мы, группа советских журналистов, путешествовали по Латинской Америке, именно эта авиакомпания устроила дурно пахнущую провокацию, ничего общего не

Стюардесса Элизабет Бодин.

Вид из Белого дома.

Школьники Вашингтона.

На развороте вкладки:

На улицах и под мостами Нью-Йорка.

ПОЧТИ ОБЫЧНЫЙ РЕЙС












ENTER

имеющую с обычной коммерческой деятельностью, пытаясь ссадить нас с самолета там, где это не полагалось по маршруту, указанному в авиабилетах. Провокация не удалась. Общественные и государственные деятели Панамы, Перу и Чили дали нам тогда возможность беспрепятственно долететь до Буэнос-Айреса, а оттуда через Лиссабон и Скандинавию вернуться на родину. Как-то после этого судьба не сталкивала меня с «Панагрой». Все больше мы стали летать на самолетах Аэрофлота, чьи линии все дальше протягивались по земному шару. А в тех случаях, когда линии Аэрофлота где-то обрывались, пользовались другими международными линиями.

Обо всем этом думал я, когда автобус отошел от отеля «Билтмор» и взял направление на аэродром Кеннеди, где нашу группу, а точнее, работников Аэрофлота должны были принять непосредственно в аэропорту руководители компании «Пан Америкэн».

«Панагра», «Пан Америкэн»,— думал я про себя,— не одно ли это то же? Лингвистические корни, конечно, слабоватые, но все же что-то в них е́сть. Вот тут-то я все и выясню».

Несколько плотных, уже далеко не молодых людей встретили нас у входа в первый класс.

Полный, высокий седой человек, вице-президент компании Бест, сказал:

— Добро пожаловать. Мы рады видеть наших советских коллег из Аэрофлота, прилетевших в нашу страну, чтобы познакомиться с нами и содействовать развитию дружеских отношений между нашими странами. Прошу познакомиться с теми, на ответственности которых лежит вся деятельность нашей компании. А это одна из стюардесс, которая летает на наших самолетах в Москву.

— Элизабет Бодин,— сказала молодая женщина.

— Благодарим за ваше приветствие и желание сотрудничать с нами,— сказал Алексей Николаевич Катрич.— Мы думаем, что это пойдет на пользу нашим народам. В свою очередь, разрешите представить тех, кто руководит Аэрофлотом не только в Москве, но и возглавляет республиканские и областные аэропорты...

Один из американцев, высокий голубоглазый блондин, говорил, хотя и с трудом, по-русски.

— Это Вальтер Нельсон... Он был представителем «Пан Америкэн» в Москве. Очень энергичный человек,— сказали мне.

Я подошел к Нельсону.

— Скажите... Не можете ли вы мне ответить...

Но в это время Бест предложил отправиться в диспетчерский пункт. Мы поднялись на второй этаж, в комнату, где стояло несколько телеэкранов и беспрерывно текла звуковая информация.

— Самолет с Бермудских островов приземлился.

— Даю взлет на Ямайку.

— На подходе самолет из Рио-де-Жанейро.

— Из Монреаля.

— На Париж.

— Рим.

И хотя в центре диспетчерской службы, казалось бы, не происходило ничего особенного, но все невольно замолкали, когда назывался новый город или номер нового рейса.

— А скажите, как вам нравится «Аэропорт»? — спросил я Беста.

— Какой аэропорт?

— Роман Хейли.

— А-а,— улыбнулся Бест.— Хейли бывал здесь... Он во многих местах бывает и обо всех пишет.

Возле одной из стоек, где принимается багаж, мы заговорили с Элизабет Бодин.

— Раньше нам говорили, что стюардессам в Америке запрещено выходить замуж...

— Сейчас можно,— сказала Элизабет, с трудом произнося русские слова.

— О, вы говорите по-русски?

— Я немного русский... Мой мама русский... А мой мама женился на папе...— Элизабет засмеялась.— Я говорю плохо... Но я хочу говорить хорошо... Сейчас можно выходить замуж.— Здесь Элизабет перешла на английский.— Нас много. Мы протестуем, когда нас обижают...

Да, действительно, я вспомнил стюардесс, которые с плакатами стояли несколько лет назад возле одного из книжных магазинов, протестуя против выхода бульварной порнографической книжонки «Чай, кофе или меня?».

Передвигаясь из помещения в помещение, мы оказались в таможне. Каждый, кому приходится выезжать за рубеж, знает, что таможенный режим в разных странах не одинаков. Где построже, где послабее. Я не решаюсь характеризовать таможенные правила в США. Могу только сказать, что обычно таможенники здесь — физически здоровые ребята, привыкшие ловко прощупывать содержимое чемоданов. А как иначе? Когда мы приземлились в Вашингтоне и после паспортного контроля очутились в таможенном зале, вместе с нами проходил досмотр и начальник Шереметьевской таможни Наумов. Американский таможенник раскрыл его портфель. Наумов сказал: «Ну, заяц, погоди». То ли таможенник знал русский язык, то ли ему перевели смысл этого весьма популярного у нас выражения, но когда мы оказались уже в таможенной компании «Пан Америкэн» в Нью-Йорке и начальнику таможни, полному, высокому негру Дэвиду представили наших таможенников, он как-то смутился и стоял молча, не зная, что сказать.

— Приезжайте, мистер Дэвид, в Москву. Мы вас осматривать не будем! — сказал кто-то из нашей группы и тем самым словно пробудили ото сна начальника американской таможни.

Наконец мы оказались в складском огромном помещении, где лежало то, что называется багажом!

— Этот комплекс стоил компании десять миллионов долларов, но его придется делать заново! Десять миллионов выброшены на ветер!

— Почему?

— Рассчитывали на багажные перевозки небольших габаритов, а они оказались таких размеров, что компания не справляется. А, как известно, мы рабы наших клиентов.

— А как в смысле безопасности?.. Вы же знаете, какие штучки сейчас устраивают некоторые личности?

— Всякие взрывные устройства?

— Да. Происшествий не было?

— Пока бог миловал.

Три часа шел разговор в различных помещениях компании «Пан Америкэн», охватывающей 15% пассажирских и грузовых перевозок Соединенных Штатов Америки. Уже садилось багряное солнце за далекими крышами, когда мы дружески попрощались с работниками компании и отправились в отель «Билтмор». Едва я вошел в номер, как раздался громкий стук, и дверь открылась... На пороге стояла горничная-негритянка, указывая на ключ, торчавший со стороны коридора. Я понял. Ключ нельзя оставлять с той стороны. Я вытащил ключ из скважины, но горничная не успокоилась, подошла к постели и подала мне лежавшую на подушке зеленую бумажку, на которой был напечатан следующий текст:

«ЭТО ВАЖНО ЗНАТЬ

Ассоциация гостиниц города Нью-Йорка призывает всех гостей соблюдать следующие меры безопасности и предосторожности:

1. Оставляйте все драгоценности и валюту в надежном депозитном боксе, предоставляемом администрацией отеля. Это можно сделать во время регистрации. Отель несет ответственность за пропажу лишь в размере не свыше 500 долларов в любом случае. Закон освобождает администрацию от всякой ответственности, если гость не соблюдает правил.

2. Запирайте за собой дверь, входя в номер.

3. Не впускайте никого в номер (даже если кто-то намерен оказать вам какую-то услугу), предварительно не проконсультировавшись с администрацией.

4. Выходя из номера, проверьте, надежно ли вы заперли дверь.

5. Возвращаясь вечером, пользуйтесь задвижкой и цепочкой на двери.

6. Оставляйте ваш запертый чемодан в шкафу и не оставляйте его открытым на полке для багажа.

7. О всяких подозрительных телефонных звонках следует немедленно сообщать администрации.

8. Выходя из отеля, всегда сдавайте ваш ключ дежурному и не оставляйте его на столе дежурного.

Благодарим Вас.

Администрация».

Что же, и нам оставалось поблагодарить администрацию отеля за столь серьезное предупреждение. Правда, оно несколько расходилось с тем, что было написано в рекламном проспекте, предупредительно врученном нам на вокзале. Проспект гласил:

«ОТЕЛЬ «БИЛТМОР» В НЬЮ-ЙОРКЕ

«Билтмор» — это Нью-Йорк, и наоборот. С того момента, когда швейцар отеля приветствует вас, вы превращаетесь в важного гостя одного из крупных отелей города.

Сегодня существует больше причин, чем когда-либо, предпочесть «Билтмор» в качестве великолепного временного пристанища, в качестве места для важной встречи. «Билтмор» располагает 26 конференц-залами, которые вмещают до 1 600 человек.

Комфорт и красота соседствуют в номерах «Билтмора».

Обслуживание предназначено удовлетворить вкусы самого придирчивого клиента.

В «Билтморе» мы гарантируем вам успех вашей деловой встречи».

В данном случае можно было только посочувствовать администрации «Билтмора». Несмотря на все великолепие «временного пристанища», полностью обезопасить своих жильцов, видимо, уже невозможно. Как пишется в таких случаях: «по не зависящим от администрации причинам».

ПРОГУЛКА ПО НЬЮ-ЙОРКУ

Есть в таких коллективных поездках одно золотое правило — ни от чего не отказывайся. Не считай, что ты уже все видел, все познал и все изведал. В рекламной книжечке «Прогулка по Нью-Йорку», лежа-

---

Еще один мост.

Вашингтон. У входа в Национальную галерею.

Гид из мемориального музея Джорджа Вашингтона.

Нью-Йорк. Те, кто беспокоится о внуках.

Вокруг Манхаттана.

Вашингтон. У подъезда отеля «Медисон».

Самые высокие здания Нью-Йорка — Торговый центр.

Пересекая Уолл-стрит.

Мороженое всюду заманчиво.

В ожидании парохода.

щей на столике в номере, можно было прочесть: «Внезапно каждый может захотеть машину разумных размеров, с разумным весом, с приличным ресурсом и надежностью. Это «мерседес-бенц»!»

Машина у нас была — автобус вполне разумных размеров и, естественно, с весьма приличным ресурсом. Не было только внезапности. Экскурсия по Нью-Йорку была запланирована раньше. Обычно люди в путешествиях быстро сходятся и стараются ни в чем не подводить друг друга. Так было и в этой поездке. Не все бывали раньше в Нью-Йорке, потому путешествие по городу (который все тот же рекламный справочник характеризовал весьма критически: «Газеты, телевидение, эстрадные актеры, радиокомментаторы — все упивались упадком нашего города!») ожидалось с нетерпением. Тем более что комментарии о городе в справочнике были продолжены:

«Ассоциации по улучшению Нью-Йорка, в которую входят 100 заинтересованных ведущих граждан города, надоело читать или слушать унизительные для города комментарии. Мы начали трудиться над улучшением «образа» и стараемся подчеркнуть его важные положительные стороны. Нью-Йорк — это город истинного прогресса и цивилизации. Это город, который старается удовлетворить «потребности и желания всех и каждого».

Фирма «Ист-ривер форист» предлагает:

«Сообщите, сколько вы можете заплатить, а остальное мы берем на себя». «Если бы Адам и Ева знали о «Фактории», они, забыв о яблоке, помчались бы на 58-ю улицу, где кухня соблазнительная, атмосфера более красочная, чем в Эдемских садах, а цены почти библейские».

Поскольку «почти библейские» цены не переводились по курсу нью-йоркской биржи и нас вполне устраивал рацион питания среднего американца, проживающего за оградой Эдемских садов, мы и отправились на прогулку по Нью-Йорку автобусом. На этот раз нашим гидом, говорившим, хотя и с легким акцентом, хорошо по-русски, был человек пожилой и с большой склонностью к юмору.

— Меня зовут Арсентий Августович Фриппель,— представился он, как только автобус тронулся с места.— В настоящее время я нахожусь в отставке. Поскольку мой жизненный уровень призывает меня к этому, я продаю свой дом и ищу себе квартиру из двух комнат с кухней, так чтобы эта квартира стоила не дороже 250 долларов в месяц...

Вопросы почти никто из нас не задавал, с интересом слушая тирады Фриппеля.

— Мы с вами путешествуем по Манхаттану. Это главная часть Нью-Йорка, расположенная на острове, находящемся в Гудзоновом заливе. Когда-то голландцы купили у индейцев этот остров за 24 доллара, но потом пришли англичане, все отобрали у голландцев и пошли дальше. Это «дальше» вы имеете возможность наблюдать сейчас из автобуса.

— А это район Колумбийского университета. Это район более интеллектуальный и менее чистый, чем некоторые другие. Здесь или учатся, или дискутируют, или гуляют, или спят...

— А вот это знаменитый район Баури. Район алкоголиков. Они здесь живут и занимаются своим основным делом. В общем-то они люди разные, но здесь в основном те, кого уже захватила последняя степень алкоголизма. Между прочим, у них в высшей степени развито чувство взаимопомощи. Они как дети. Все делят друг с другом. Тут у них есть свой отель... Ну, в общем, то место, где они могут поспать, если не уснули на улице... Как дети... Все пополам...

— А на троих? — все же не удержался кто-то из наших.

— Бывает, что и на троих... Но это, кажется, уже по-вашему,— ответил Фриппель, все так же смотря вперед по курсу автобуса.— А вот здесь мы остановимся и пройдем через Китай-город. Китайцев в Нью-Йорке немного. Всего шесть тысяч... Это те, кто содержит рестораны и прачечные, и те, кто у них работает.

Добавим к этому, что именно через этот район распространяется не столь чистая, как белье в китайских прачечных, антисоветская, маоистская литература.

В Нью-Йорке уже было жарко. Пекло солнце. В этом районе из-за отсутствия высоких зданий почти не было тени. Автобус подошел к назначенному месту, и мы покинули районы старых темно-красных и серых кирпичных домов с железными лестницами, висящими над тротуарами.

— Этот магазин принадлежит вдове Вулворт. Впрочем, все они периодически становятся вдовами.

— А это больница, в которой лечились да и все еще лечатся те, кто был ранен тяжело во Вьетнаме...

— А это два новых здания торгового центра. Оба здания выше здания Эмпайр стейт билдинг...

— А это Уолл-стрит... О нем говорить бессмысленно. Вы все знаете. Могу добавить, что здесь находится и нью-йоркская биржа. Место маклера на ней стоит восемьдесят тысяч долларов. Это то, что берет город. Но в связи со спекуляциями каждое место обходится около миллиона долларов. Давайте сойдем на несколько минут, затем отправимся к зданию ООН.

...Когда-то, в первый приезд в США, девятнадцать лет назад, газетные репортеры остановили нас возле уличного указателя и сфотографировали. На другой день в нескольких газетах появились снимки с нашим изображением возле стрелки, на которой было написано «Только сюда». Стрелка вела к Уолл-стриту. Мы посмеялись тогда и посочувствовали нью-йоркским репортерам. Нелегок их труд. Хошь не хошь — ищи хоть маленькую, но сенсацию.

Автобус подошел к высокому, сверкающему под ярким полдневным солнцем стеклами зданию ООН. Почти весь наш экипаж отправился в здание Организации Объединенных Наций, а я, поскольку бывал в нем раньше, остался на широком парапете перед зданием, на котором стояли небольшие группы школьников и педагогов. Сюда направлялись и пожилые люди, особенно много среди них было женщин. Что-то притягивало людей к зданию ООН. Вероятно, не только его архитектурные достоинства, уже мало отличающиеся от распространенной ныне формы, в которой главенствуют прямые линии, стекло и металл. И, наверно, не только для того, чтобы посмотреть внутреннее убранство, картины и скульптуры, среди которых находится и прекрасное произведение Евгения Вучетича «Перекуем мечи на орала». Нет, конечно, здание ООН не храм, есть еще государственные деятели и страны, не желающие считаться с этой организацией. И все же тянет что-то сюда американцев, да и не только их.

Вот и в тот солнечный полдень смотрел я на маленьких американцев и вспоминал Арлингтонское кладбище в Вашингтоне. Ряды белых мраморных надгробий с недавними еще датами смерти. Вспоминал и думал о том, как горько матерям, у которых погибли их сыновья, сражаясь за неправое дело. Даже последней трагической гордости нет, что погибли их дети, сражаясь за правое дело. Все отнято войной. Я ходил возле здания ООН, запоминая весенние лица ребятишек и озабоченные лица педагогов, держащих хотя и не очень четкий, но все же ребячий строй.

...И еще было в этот день одно путешествие. Путешествие на небольшом пароходике вокруг Манхаттана. Длилось это путешествие около трех часов и доставило истинное удовольствие и послеобеденным солнцем, и свежим ветром, и возможностью словно бы на большом экране увидеть все впечатляющие контуры этого гигантского города, увидеть плоды строительного гения и рабочих рук американского народа. Наш пароходик проплывал под широкими, гудящими мостами. Мимо заводов и корабельных доков. Мимо пристаней и автомобильных стоянок... Где-то в седьмом часу вечера, когда уже на нью-йоркские улицы не пробивалось солнце и они выглядели неуютно и сумрачно, подъехали мы к отелю «Билтмор». Впереди еще был намечен вечер с друзьями, которые работают в Нью-Йорке. Автобус остановился возле бокового входа в отель. Мы переступили порог и замерли. Прижатый к стене двумя рослыми полицейскими, с подтеком под глазом, стоял не менее рослый, в белой рубашке с закатанными рукавами мужчина, злобно смотря на полицейских, один из которых доставал наручники. Другой сделал энергичный жест — проходите. Кажется, мы своими глазами могли убедиться в справедливости предупреждения администрации «Билтмора».

ЧТО БЫЛО В КАРТОНКЕ!

Где-то в уголках памяти у меня таилась все же мысль о том, что я что-то не прояснил для себя в Нью-Йорке. Точно. Я так и не узнал степень родства авиакомпаний «Панагры» с «Пан Америкэн». Когда перед заходом солнца мы уже с чемоданчиками появились на территории «Пан Америкэн», одним из первых, кто оказался с нами, был все тот же Вальтер Нельсон, работавший ранее в Москве. У нас был запас времени, так как еще должен был состояться коктейль, который, провожая нас, устраивали руководители «Пан Америкэн». Во время коктейля представители нью-йоркской прессы могли обратиться к членам нашей группы с вопросами.

— Пойдемте наверх,— сказал Нельсон.

— Скажите, вы что-либо слышали об авиакомпании «Панагра»?

Нельсон задумался.

— Да, что-то было... Компания, работавшая на Латинскую Америку. Только сейчас ее нет... Кто-то ее проглотил. А что вас интересует?

— Со святыми упокой... Так ей и надо.

Нельсон посмотрел на меня так, будто посчитал, что я несколько перегрелся под сегодняшним нью-йоркским солнцем, и, сказав «Извините, пожалуйста», вышел. В уютном зале стояли небольшие глубокие кресла. При входе, за прилавком, две официантки предлагали, как и полагается в таких случаях, виски, джин и прочие напитки и крохотные сандвичи. На душе было как-то тепло. Домой лететь всегда хорошо... И вдруг снова появился встревоженный Нельсон:

— Господа, надо срочно уйти из этого помещения.

— Что случилось?

— По соседству с этим помещением неизвестный человек положил картонку.

— А где этот человек?

— Он исчез.

— А что в картонке?

— Там может быть бомба...

— Кому мы нужны?

— Нам позвонили и сказали, что нас будут взрывать.

— И вы верите?

— У нас все может быть. Прошу, господа.

— А чего ж не посмотрят картонку?

— Полиция работает в этом направлении.

Мы пошли к выходу. Как нам показалось, обе официантки остались за прилавком. Внизу, в общем зале, действительно можно было заметить нескольких полицейских, оказавшихся поблизости от нас... Около часа мы бродили по залам аэропорта, а затем снова появился Нельсон и другие руководители отдельных служб авиакомпании. Нельсон как ни в чем не бывало сказал:

— Прошу, господа.

— Что же было в картонке?

— Торт, господа... Торт... Какой-то странный человек оставил торт, а сам исчез. Прошу, господа.

Мы снова поднялись наверх. Кто-то сказал:

— Надо бы посмотреть оставленные нами портфели. Может, за это время кто-нибудь нам туда что-нибудь сунул.

В маленьком зале за тем же прилавком стояли те же официантки, невозмутимо разливая по бокалам джин, пиво и виски. Только на этот раз зал был наполнен журналистами. Они засыпали вопросами А. Н. Катрича и других участников поездки. Мне запомнился уже пожилой ху-

дожник, который прилетел из Лос-Анджелеса только для того, чтобы повидать русских и поговорить с ними.

Все кончается в этом мире. Кончился и этот коктейль. Мы спустились вниз и направились к самолету. Путь был довольно длинный, и вся наша группа шла, все еще сопровождаемая участниками встречи. Рядом со мной оказался какой-то человек с аккуратно подстриженной бородкой и желтыми белками. Еще во время коктейля я заметил его злобные взгляды.

— Вы работаете в «Огоньке»? — спросил он вкрадчиво.

— Да.

— Что же, мы многое в нем читаем. Многое,— сказал он с нажимом на слово «многое», на русском, безо всякого акцента, языке.

— Ну, что же, желаю вам и дальше повышать свой уровень.

Мы подходили к паспортному контролю. Попрощались дружески с работниками «Пан Америкэн» и нашими славными аэрофлотцами, несущими в Нью-Йорке свою ответственную вахту.

Снова мы оказались в нашем добром, совсем показавшимся нам родным домом «ИЛ-62». Едва мы расселись по своим местам, как в самолете появилась большая группа американских туристов, летящих в Советский Союз. На лице у каждого из них было свое собственное выражение. Здесь были и радость, и ожидание чего-то неизвестного, и легкая тревога, и даже растерянность. И вместе с тем каждый из этих людей в общем-то ничем не отличался от других, обычных уже для нас, американцев, каких мы снова увидели за короткий срок пребывания в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Теперь уже вместе с нами они летели навстречу солнцу...

ДУМА О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Как известно, время — самый жестокий судья. То, что кажется порой в какой-то степени смешным и нелепым, через какой-то промежуток времени может уже показаться диким. Когда-то, девятнадцать лет назад, накануне 7 ноября, в столице штата Аризона городе Фениксе мы попали по странному стечению обстоятельств в руки нескольких людей, разговаривающих на каком-то полурусском жаргоне. Первый обед был в канун нашего праздника. Один из типов в конце обеда, изрядно наглотавшись виски, вдруг прохрипел:

— Предлагаю тост за веру, царя и отечество.

Мы не очень серьезно приняли тогда этот пьяный бред и, ответив, что веры, собственно, у сидящих с нами за столом никакой нет, царь в голове отсутствует, а отечества и подавно нет, поднялись из-за стола. В тот же день мы заявили, что приехали к американцам, а не к каким-то умственно отсталым антисоветчикам. Нашему требованию вняли, и мы больше и близко не видели этих кретинов, зато повстречали много интересных для нас людей. По нашим меркам времени это было уже давно. Но, к сожалению, еще не перевелись зоологические экземпляры, которые своей целью, а порой даже и профессией сделали антисоветизм. Все что угодно, но любой ценой чернить все, что приводит наши народы к дружбе и пониманию тех высоких целей, которые поставили перед собой руководители Советского Союза и Соединенных Штатов. К счастью, все больше происходит добрых перемен в мире, все больше побеждают идеи нормальных отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Это широко поддерживается американским народом. Закончившаяся недавно третья встреча Леонида Ильича Брежнева и Ричарда Никсона неотразимо подтверждает это положение.

Выступая на обеде в посольстве США в Москве, данном президентом Соединенных Штатов Ричардом Никсоном и его супругой в честь советских руководителей, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал:

«Впереди — новые горизонты, новые сферы сотрудничества на пользу обоим великим народам и мирным людям всей земли. В крупномасштабных экономических проектах и в освоении новых источников энергии, на транспортных магистралях, в лабораториях ученых, в проектных залах архитекторов — всюду взойдут новые ростки плодотворного взаимовыгодного сотрудничества наших стран во имя мира и лучшей жизни людей».

Приветствуя на обеде советских руководителей и давая высокую оценку третьей встрече на высшем уровне, проходившей в Москве и Ореанде, президент США Ричард Никсон сказал:

«И когда я думаю о нашей совместной работе с вами и с вашими коллегами, я сознаю, что мы с вами работаем для блага наших детей, внуков и правнуков, всех тех, кто будет жить в мире».

Да, мы смотрим в глаза всех детей мира и понимаем и чувствуем, что мы ответственны за жизнь каждого из них. Мы ответственны за то, чтобы каждый человек, сколько бы ему ни было лет, прожил свою жизнь полностью до последнего дня.

...Когда наш самолет приземлился в лондонском аэропорту, я услышал украинский язык и спросил двух женщин, одетых в красиво вышитые кофты:

— В гости летите?

— Та ни... До дому.

— Из гостей?

— Ага.

— Откуда вы?

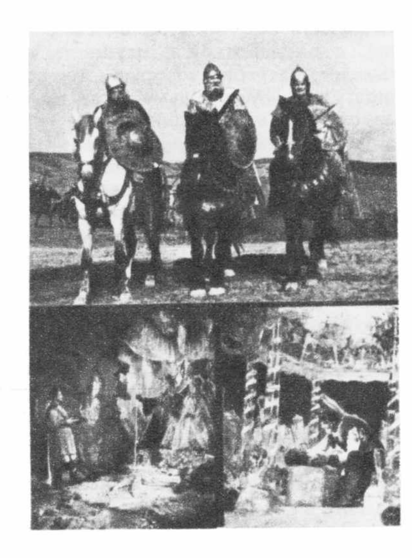
— З Закарпаття.

— Хорошо в гостях?

— Не худо... Тильки дома лучше.

Вашингтон — Нью-Йорк — Москва.

ФИЛЬМЫ, НАПОЛНЕННЫЕ ЧУДЕСАМИ



Ал. РОМАНОВ

В марте — апреле 1948 года в одном из многочисленных кинотеатров Женевы, неподалеку от Английского парка, я впервые смотрел «Каменный цветок». Получивший в 1946 году Большой приз за цвет на Международном кинофестивале в Канне, фильм этот шел здесь с особым успехом, весьма редким для обычного репертуара местных кинотеатров. Фильм был создан советским кинорежиссером Александром Птушко; в главной роли Хозяйки Медной Горы снималась замечательная киноактриса Тамара Макарова; ее имя в то время уже было известно женевской публике по другим советским фильмам; режиссера же знали, пожалуй, только мы, советские люди, волею судеб оказавшиеся в те дни в Швейцарии, знали по ранним, прошумевшим фильмам «Новый Гулливер» и «Золотой ключик».

Лет через пятнадцать, когда я встретился с Александром Лукичом уже в Москве и подружился с ним, мы условились после моего рассказа о женевском просмотре фильма «Каменный цветок», что дату этого просмотра и будем считать началом нашего доброго знакомства. Последние же десять лет мы встречались не раз. Чаще всего это были деловые встречи — по сценариям и фильмам, над которыми работал кинорежиссер. Но были встречи и иного рода, личные, доверительные, всякий раз оставлявшие добрую о себе память.

Народный артист СССР Александр Лукич Птушко, стоявший за кадрами знаменитых картин «Каменный цветок», «Садко», «Илья Муромец», «Сампо», «Сказка о потерянном времени», «Сказка о царе Салтане», был оригинальнейшим художником и любопытнейшим человеком. Всю свою жизнь он находился во власти русской сказки и русского былинного эпоса. Он стремился сделать зримыми, предметно ощутимыми, даже житейскими фантастические образы, возникшие в народном сознании в незапамятные времена. И он создал свой, присущий только его картинам былинный и сказочный мир. Это мир запоминающихся, красивых и сильных, достоверных героев. Даже самые фантастические персонажи в фильмах Птушко вырастают из народных представлений о добре и зле, о духовном начале, о жизненном идеале человека. В былинах и сказках он находит те точки соприкосновения с реальной действительностью, которые ее облагораживают и одухотворяют: не то что в Хозяйке Медной Горы — даже в волшебнице Наине нет черт, идущих от Бабы Яги!.. Житейски просты и прекрасны Илья Муромец и Садко — богатый гость, князь Владимир и мастер Данила, Людмила и Руслан... Истинно русские добры молодцы, былинные богатыри покоряют зрителей не столько физической силой, которой у них тоже не отнять, но прежде всего красотой душевной.

Яркому, самобытному, покоряющему и детей и взрослых творчеству художника неизменно сопутствовали самые неожиданные и, казалось бы, несбыточные увлечения; однако они всегда претворялись в завораживающие зрителя кинематографические сверше-

ния... Наши встречи и были связаны, как правило, с разработкой и осуществлением предложений мастера, которые нередко ставили киностудию «Мосфильм» и ее производственные службы в затруднительное положение.

Самого Александра Лукича эти творческие и технические трудности никогда не останавливали. Как он сам признавался не раз, кадры зримых былин дразнили его воображение, толкая на обогащение эпических или сказочных кинопроизведений новыми приемами съемки и монтажа, еще неизвестными кинематографии...

Сохранилось письмо Александра Лукича от 4 мая 1970 года, где он, ссылаясь на свой многолетний опыт постановщика «сказочно-фантастических и эпических фильмов, в достаточной мере сложных и масштабных», пишет о себе как о постоянном изобретателе,— сценаристе, режиссере, художнике и конструкторе трюковой кинотехники, стремящемся передать дух времени в своих творениях.

— Помните, у Пушкина: волшебник Черномор с висящим у него на бороде Русланом взлетает под облака в надежде погубить соперника,— говорил он на заседании художественного совета студии.— Еще вчера такие кадры можно было легко воспроизвести, снимая актеров на фоне рирпроекции грозовых облаков, или горных вершин, или бушующего моря, ранее отснятых с самолета. Сегодня это сделать так просто уже нельзя. Теперь космонавты снимают на пленку Землю из космоса, и мир видит на экранах и сияние атмосферы, и ураганы над океанами, и облет ракеты вокруг Луны, и прогулки по лунной поверхности... После этого показывать сказочный полет Черномора старыми приемами уже невозможно: фальшь попрет из всех щелей!.. А фальшь может вызвать только смех зрителей и обвинение кинематографистов в самой вульгарной халтуре. Нужна новая техника, методика и стилистика съемки таких фантастических сцен. Реальная действительность оставляет позади «фантастический» кинематограф даже недавнего прошлого. Для эпизода с полетом Черномора теперь в качестве фона нужна макросъемка некоторых химических реакций в различных, специально подобранных прозрачных средах. Сделаем это — нам поверят! Не сделаем — осмеют...

В другой раз, в обстановке более спокойной, чем обстановка художественного совета, он, как мне показалось, совершенно неожиданно для себя, так изложил ту же самую мысль:

— Хочешь, чтобы тебе поверили зрители,— изобретай!.. Вы знаете, конечно, что, прежде чем стать режиссером, я немало поработал художником-декоратором. Это была особая работа: она требовала жесточайшего напряжения. Помните картину «Дети капитана Гранта»,— ее поставил Владимир Петрович Вайншток. Так вот, макеты декораций к этой картине были сделаны мною. Как сделаны, объяснить не могу, но непросто было воссоздать в столь динамичном фильме атмосферу подлинности, если тебе и видеть-то никогда не доводилось ни океанских штормов, ни каменных ливней, ни тропических наводнений и вулканических извержений.. Все это постигалось чутьем! Техника комбинированных съемок, по существу, возникала на пустом месте...

Но опыт,— продолжал Александр Лукич,— все же накапливался исподволь. Доводилось ли вам видеть моего Братишкина? Неужели нет?.. А помните мой фильм «Новый Гулливер»?.. Впрочем, до него был еще и «Властелин быта» — первая объемная мультипликация, первые в нашем кино «играющие куклы»... Сотни кукол... Позднее в «Золотом ключике» к игре кукол я подключил игру актеров: тогда это тоже был новый прием, который затем распространился по всему миру... Без выдумки нам, кинематографистам, в особенности кинематографистам-фантастам, и шагу ступить нельзя! Да и без трудностей тоже...

Трудности, понятно, бывают разные. И причины, их порождающие, тоже неоднозначны. Интересно проследить, как создавался последний фильм Александра Лукича — «Руслан и Людмила», как возникали и преодолевались трудности, сопутствовавшие его созданию.

В июле 1968 года киностудия «Мосфильм» обратилась в кинокомитет СССР с просьбой включить в план 1970 года постановку широкоформатного цветного художественного фильма «Руслан и Людмила» по мотивам одноименного произведения А. С. Пушкина. В представленном тогда заключении творческого объединения «Юность» говорилось, что литературный сценарий представляет собой хорошую основу для создания «яркого, зрелищного фильма-сказки, наполненного чудесами и волшебством, непревзойденным мастером которых является кинорежиссер А. Птушко».

Задумал Птушко этот фильм как большое эпическое полотно, где мог бы выпукло, ощутимо раскрыть патриотическую тему сказки — тему доблести и героизма, испокон веков присущих характеру русского человека. Он хотел — нисколько не затеняя наиболее ярких черт Руслана — отвести значительное место русскому народу, породившему героя. По мысли режиссера, легендарные его подвиги были поэтическим отзвуком исторически достоверных подвигов русских воинов в жестоких сражениях против захватчиков-печенегов у стен Киева.

Александр Лукич не скрывал, что в постановочном отношении картина будет, пожалуй, самой сложной из всех, над какими доводилось ему работать. Предстояло воссоздать на экране совершенно необычные по замыслу, фантастические эпизоды пушкинской поэмы. Трудно?! Да... Но это была не самая серьезная трудность. Она-то по крайней мере была ясна и постановщику и творческому коллективу.

Картина представлялась Александру Лукичу самой сложной в его творческой практике еще и потому, что в нашей стране нет человека, который не знал бы замечательную поэму с детских лет, не составил личного представления об ее героях, не имел собственного видения увлекательнейших ее эпизодов... Фильму надо было придать такую форму, такое художественное своеобразие, чтобы увиденное на экране не разочаровало зрителей, а обогатило их воображение.

Постановщик и его творческий коллектив были подготовлены к решению и этой необычайно сложной задачи. Но возникали трудности иного характера. Так, творческое объединение «Юность» в упомянутом уже заключении, переданном в кинокомитет СССР, рекомендовало режиссеру-постановщику «не перегружать» развитие сюжета «излишними чудесами, а также видениями Руслана и Людмилы», «меньше привлекать к активному действию привычных персонажей русской народной сказки — мамушек, скоморохов и т. п.», которые якобы «не сочетаются органично с образностью поэмы».

Сказка без сказочных персонажей?! Заключение не содержало, разумеется, каких-либо обязательных предписаний, но излагало свои сомнения и опасения: мол, не перестарается ли Александр Лукич, не перегрузит ли свой фильм такого рода чудесами и волшебством, которые потом придется изымать из готовой картины...

У Главной сценарной коллегии комитета оценка сценария не вызывала возражений: можно было бы сразу передать его в режиссерскую разработку. Но вот рекомендации, касающиеся «излишних чудес»,— как быть с ними? И студия получает указание: «прикрепить к данной работе консультанта-пушкиноведа и представить его письменный отзыв».

На разработку такого указания был затрачен месяц.

А через месяц студия представила в комитет заключение литературоведа, профессора Г. П. Макогоненко; все сомнения и опасения насчет «излишних чудес» были сняты, отброшены, сценарий получил самую высокую оценку. Осенью 1968 года «цветной широкоэкранный» фильм «Руслан и Людмила» включается наконец в тематический план киностудии «Мосфильм» на 1970 год. Но время потеряно. Приказ по студии о запуске сценария в режиссерскую разработку издан только в конце декабря, и сразу же становится ясно, что установленный срок завершения режиссерской разработки — март 1969 года — нереален. К тому же болезнь Птушко, болезнь длительная и серьезная, по существу, приостанавливает всякую работу над картиной... В июле 1969 года студия просит комитет СССР перенести постановку фильма «Руслан и Людмила» в план 1971 года.

Подходит к концу 1969 год. Режиссерский проект не готов. Но план будущего года иметь необходимо; и 31 декабря появляется приказ по студии: творческому объединению «Юность» предлагается «приступить к подготовительным работам» по фильму «Руслан и Людмила». Устанавливается и срок: июнь 1970 года. Были еще и другие сроки «окончания подготовительного периода», пока, наконец, не последовал приказ о запуске фильма «Руслан и Людмила» в производство.

Съемки фильма шли успешно и в экспедиции и в павильонах. Сказывалось, однако, перенесенное режиссером несчастье: силы Александра Лукича со смертью его жены словно поубавились, приметно ухудшилось здоровье... Между тем буквально каждый кадр требовал особого решения—наиболее выразительного использования цветовых и трюковых эффектов, новых приемов комбинированной съемки, постоянной выдумки, терпения и мастерства.

Новое, новое, новое!.. Протоптана глубокая стежка от письменного стола и чертежной доски к токарному станку, столярному верстаку... Новое, новое, новое... Но так, чтобы люди поверили, что замок Черномора — это не пенопласт и фанера, а гигантские, как в египетских пирамидах, блоки, что островерхие горы и водопады в царстве-государстве Черномора и впрямь такие, какими они показаны в фильме... Ведь любая сказка хороша только в том случае, если ей верят.

И так день за днем, ночь за ночью...

С мыслью о фильме ложишься в постель и долго-долго не можешь сомкнуть глаз. Среди ночи вскакиваешь с мыслью о фильме: не вкралась ли фальшь в многолюдную сцену свадебного пира?.. Не смахивает ли жилище волшебницы Наины на логово Бабы Яги?.. Не проскользнула ли неуверенность Руслана в схватке с Черномором?.. Не переснять ли эти сцены еще раз? А если переснять, то как пересъемка уляжется в смету?.. Наступает утро; с бьющимся сердцем спешишь на студию, смотришь весь отснятый накануне материал и убеждаешься, что ночные страхи и сомнения были напрасны. Ох, уж эти нервы!.. Но только ли нервы? Может быть, действительно эти сцены можно было сделать стройнее, выразительнее, ярче? Ну, скажем, если чуть усилить свет?.. Если не так замедленно показать проход Наины?.. Если крупным планом дать только глаза Руслана? Только глаза?.. Нет, ничего этого уже не надо. Все, что сделано, сделано правильно. Надо быстрее идти дальше.

Съемки фильма подходят к концу. По первоначальному замыслу картине надлежало быть широкоформатный, потом — широкоэкранной. Но все это уже было не под силу режиссеру. Фильм был снят на обычной цветной пленке и значился как художественно-музыкальный. Отличную музыку написал для картины Тихон Хренников,— отличную! Весьма споро продвигался вперед монтаж, шла перезапись. А здоровье Александра Лукича все ухудшалось. Врачи разрешали ему работать не более пяти часов в день...

В сентябре 1971 года был установлен новый срок сдачи фильма: май 1972 года. И в канун нового, 1972 года киностудия «Мосфильм» представила комитету первую серию фильма, а в самом начале мая — вторую. Осенью цветной двухсерийный фильм «Руслан и Людмила» вышел на экраны страны. Это был последний фильм знаменитого кинорежиссера-сказочника.

...Кажется, в тот безоблачный день бабьего лета в Москве было очень тепло. Александр Лукич позвонил мне часов около двенадцати, спросил, видел ли я уже «Руслана и Людмилу», понравилась ли картина, какие просчеты заметил я в ней...

Я знал, что Александр Лукич болен серьезно, болезнь переносит плохо, и пытался ответить ему как можно короче и мягче:

— Да, фильм видел, душевно рад за автора! Думаю, что это одна из лучших картин! То, чего удалось достичь в искусстве комбинированных съемок, в применении света и цвета, просто поражает!.. Что же касается содержания фильма, то оно адекватно творению великого поэта...

Птушко слушал, как мне показалось, очень внимательно. Но вдруг перебил:

— Спасибо вам, дорогой друг, спасибо. Только вы сегодня что-то уж очень добры...

Может быть, заедете к больному, ну, хоть на полчасика, поговорили бы с глазу на глаз... Мне отлучаться из квартиры пока не разрешают, а гости у меня бывают не так часто.

Через полчаса я шел к хорошо знакомому мне шестому дому во Втором Мосфильмовском переулке. Застроенный высокими многоэтажными зданиями-коробками, нижние этажи которых в летнее время скрыты за зелеными шапками разросшихся молодых деревьев и густых кустарников, небольшой переулок играл в эту пору всеми красками поздней осени — золотом и киноварью... В подъезде работал только один лифт, он поднял меня на одиннадцатый этаж.

— Это вы? — послышался голос Птушко.— Закрывайте дверь, это я открыл: ждал, когда вы войдете... Раздевайтесь, пожалуйста, и проходите скорее сюда!

Да, Александр Лукич был очень-очень нездоров. Серое, землистое лицо, лихорадочный румянец на скулах, запавшие глаза. И взгляд этих глаз, скрытых за толстыми стеклами очков, был очень усталым, но голос звучал приветливо, и руки его были, как всегда, энергичны, подвижны. И я вдруг увидел его пальцы — плотные, сильные, мозолистые, пальцы рабочего человека, с обломанными ногтями, поросшие золотистым пухом... И подумалось: а ведь эти руки и создавали сказочный мир его картин! В куске дерева, в морской раковине, в причудливых складках ткани, в феерических сочетаниях красок живой природы они умели находить красоту и показывать ее людям. К этой красоте тянулись и дети и взрослые, удивленно спрашивая себя: «Да как же мы сами-то раньше этого не замечали?»...

Говорили мы, естественно, о последней работе, и Птушко то ли в шутку, то ли всерьез назвал фильм «Руслан и Людмила» тем последним «тяжким испытанием», которое ниспослали ему небеса и творческое объединение «Юность»... Он посмеивался над трудностями, которые остались позади, говоря, что трудности преодоленные — это и есть творческий опыт! Рассказывал о состоявшейся поездке с фильмом во Владимир, где на фоне древних крепостных стен снимались массовые сцены, и о состоявшемся там премьерном показе; об энтузиазме детских аудиторий, которым студия «Мосфильм» также успела уже показать картину... Птушко с интересом ожидал отзывов прессы, но не очень надеялся, что газеты сразу же откликнутся, как только фильм появится на массовом экране.

— Отвыкла наша печать от такой оперативности,— говорил он.— И не спорьте! Скажите лучше: да, отвыкла...

Среди множества дорогих ему фотографий Александр Лукич показал мне несколько портретов жены, сделанных в разные годы ее жизни.

— Иной раз кажется, что она где-то здесь, за стеной,— очень тихо говорил он.— Не могу примириться, что она ушла и уже не вернется... Если бы вы только знали, как она мне нужна сейчас, какой верной помощницей была, как умела украшать жизнь, как тяжко страдала перед уходом...

Он не сказал: «перед кончиной» или «перед смертью». Для него, подумалось мне, она только ушла из комнаты и все еще находилась где-то здесь, может быть, в комнате через коридор...

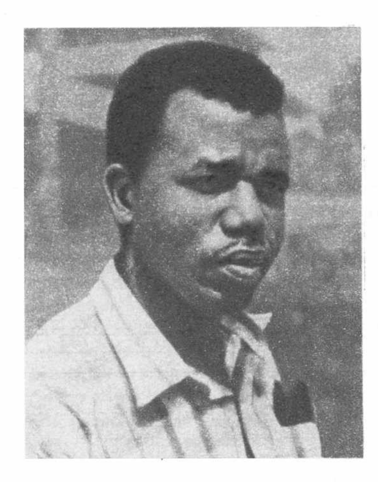
В эту последнюю нашу встречу я долго пробыл у Александра Лукича. А когда начали прощаться, он вдруг сказал:

— Погодите...

Тяжело поднялся с дивана, подошел к буфету и, к удивлению моему, извлек оттуда бутылку коньяка и две хрустальные рюмки.

— Я знаю, что вы не пьете. А для меня коньяк, как говорят эскулапы, чуть ли не заведомая гибель. Но мы пить не будем, а так: нальем и дружески чокнемся — за эту нашу встречу, за добрые отношения между людьми.

Было в этом предложении, как мне показалось, что-то многозначительное, даже символическое. И мы высоко подняли наполненные до краев тяжелые хрустальные рюмки, с тихим звоном соединили их над столом и так постояли, прощаясь, добрую минуту...



Чинуа Ачебе — один из наиболее известных современных прозаиков Нигерии и всей Африки. На русский язык переведены его романы «И пришло разрушение», «Покоя больше нет», «Человек из народа».

Написанный несколько лет назад рассказ «Бесплатное начальное» посвящен одной из насущных проблем молодой африканской страны. Недавно правительство Нигерии издало закон о введении с 1975 года всеобщего бесплатного начального образования, которого давно добивались широкие слои нигерийской общественности.

Чинуа АЧЕБЕ

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

БЕСПЛАТНОЕ НАЧАЛЬНОЕ

— Сюда, пожалуйста, мадам,— певуче позвала продавщица в высоком парике, сидящая за кассовым аппаратом в большом продуктовом магазине, и госпожа Эменике толкнула нагруженную корзину на колесиках по направлению к предупредительной девушке.

— Мадам, вы же шли ко мне,— обиделась соседняя кассирша.

— Извините, дорогая, в следующий раз.

— Добрый день, мадам.— Сладкоголосая кассирша уже выкладывала покупки госпожи Эменике на прилавок.— Наличными или в кредит, мадам?

— Наличными.

Кассирша мгновенно все подсчитала и сообщила итог, как приговор:

— Девять фунтов пятнадцать шиллингов и шесть пенсов.

Госпожа Эменике полезла в сумочку, достала кошелек и протянула две новенькие пятифунтовые банкноты. Девушка нажала на клавиши, из машины со звоном вылетела сдача и длинный чек с вежливым обращением: «Спасибо, приходите снова!»

И тут произошла заминка: никого не оказалось поблизости, чтобы донести покупки госпожи до машины.

— Где это бои запропастились?— негодующе воскликнула кассирша.— Извините, мадам. В последнее время мы лишились многих работников из-за бесплатного начального... Джон! — позвала она, завидев наконец рассыльного.— Помоги госпоже!

Джон, хромой мужчина лет сорока, был в испарине, несмотря на кондиционеры. Укладывая покупки в ящик, он недовольно ворчал:

— Пусть управляющий поищет других дураков на эту работу.

— Разве ты не слыхал,— весело сказала кассирша в парике,— нынче все ходят в школу — благо бесплатно!

— Что же мне теперь, уморить себя прикажете?..

Выйдя на стоянку, он погрузил ящик в багажник серого «мерседеса» госпожи Эменике и, разогнув спину, стал ждать чаевых. Она достала кошелек, звеня мелочью, выудила двумя пальцами трехпенсовую монетку и опустила ее в подставленную ладонь. Он потоптался на месте, а потом захромал прочь, не издав ни звука.

Хуже нет, когда пожилые люди работают на побегушках, как мальчишки: сколько ни дашь на чай, все им мало! Взять хоть этого хромого ворчуна — даже спасибо не сказал! А всему виной бесплатное начальное... Слуги словно сговорились. С начала учебного года от госпожи Эменике ушли три служанки, включая няню! Что же делать работающей женщине с грудным младенцем на руках?

Но не прошло и половины учебного года, как все, к счастью, уладилось: из-за нехватки средств правительство Западного штата отменило закон о бесплатном образовании. Эксперты рассчитывали всего на восемьсот тысяч детей, а в школы записалось полтора миллиона. Откуда они взялись?! Неужто эксперты ввели правительство в заблуждение? «Разговоры об ошибке в расчетах — сущая чепуха,— заявил по радио главный статистик.— Беда в том, что бесчестные родители незаконно привезли детей из соседних штатов. Форменный саботаж!»

Так или иначе, правительство отменило бесплатное образование. Газета «Новая Эра» в редакционной статье похвалила премьер-министра за смелость и государственную мудрость. Всей этой неприглядной истории могло бы и не быть, если бы правительство с самого начала прислушалось к предостережениям серьезных и ответственных граждан, выражавших на страницах «Новой Эры» свои сомнения по поводу реформы. «Те, кто упрекал нас в отсутствии патриотизма, посрамлены. Теперь всем видно, что газета, хоть и принадлежит иностранцам, искренне печется о национальных интересах. Мы готовы и впредь печатать выступления на эту тему».

Предложение «Новой Эры» нашло живой отклик, и множество ответственных граждан — адвокаты, доктора, торговцы, инженеры, предприниматели, биржевые маклеры, страховые агенты, профессора университетов — прислали в газету письма и статьи, критикующие злополучный закон. Никто, понятно, не против просвещения, но бесплатное образование — вещь преждевременная.

Господин Эменике с самого начала дискуссии читал эти статьи с мальчишеским азартом. «Жаль, что государственным чиновникам не разрешается писать в газеты»,— не раз говорил он своей супруге.

— Недурно, недурно, но автору следовало упомянуть, что правительство и без того уже много сделало на ниве просвещения. Родители прекрасно сознают пользу образования и

готовы на любые жертвы, лишь бы их дети ходили в школу. В нашей стране нет Оливеров Твистов!

Но госпожу Эменике мало занимала эта полемика, казавшаяся ей слишком абстрактной.

— Ты видела статью Майка в сегодняшней газете? — не унимался супруг.

— Какого Майка?

— Майка Огуду.

— Ну и что же он пишет?

— Я еще не прочел, но на Майка можно положиться: он назовет вещи своими именами. Вот послушай: «Бесплатное начальное образование — это неприкрытый коммунизм!» Конечно, преувеличение, но в этом весь Майк. Пуще огня боится коммунизма, трясется за свою пароходную компанию.

— Откуда здесь взяться коммунизму?

— Вот именно! Я так и сказал ему вчера в клубе. Но он так напуган. Знаешь, деньги портят человека...

Вскоре, однако, госпоже Эменике пришлось убедиться в том, что обсуждаемая проблема отнюдь не такая абстракция, как ей раньше казалось. В один прекрасный день Малыш, их двенадцатилетний слуга, помогавший кухарке, объявил, что уезжает домой проведать заболевшего отца.

— От кого ты узнал, что отец болен? — спросила госпожа.

— От брата.

— Когда он приходил?

— Вчера вечером.

— Почему ты не привел его ко мне?

— Я не знал, что госпожа захочет его видеть.

— Почему сразу ничего не сказал? — спросил господин Эменике, отрываясь от газеты.

— Сначала я решил не ехать домой. А сегодня передумал. Вдруг отцу совсем плохо? Вот поэтому...

— Хорошо, можешь ехать, но завтра вечером возвращайся, иначе...

— Конечно, я еще утром буду здесь.

Малыш уехал, и так они его и видели. Госпожа Эменике очень рассердилась: мальчишка ее надул! Кому приятно, когда обманывают собственные слуги? Ей следовало сразу заподозрить неладное: он странно вел себя в последнее время. То-то радуется теперь, что перехитрил госпожу. Сбежал, получив за целый месяц вперед. Вот чем отвечают эти люди на добро...

Через неделю объявил об уходе садовник. Этот даже не пытался скрывать своих мотивов. Старший брат в письме велел ему возвращаться в деревню и поступать в школу. Господин Эменике поднял его на смех — глупец, деревенщина!

— Бесплатное обучение вводится для детей. Никто такого переростка, как ты, не примет. Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, сэр.

— А может, три? — ухмыльнулась госпожа Эменике.— Может, соску тебе дать?

— Тебе наверняка все двадцать,— сказал господин Эменике.— Не видать тебе школы, как своих ушей. Можешь попробовать, если хочешь, обязательно попробуй. Но если провалишься — назад не возвращайся!

— Не провалюсь. Один человек из нашей деревни, старше моего отца, и тот записался. Пошел к мировому судье, заплатил пять шиллингов за справку, и его приняли без звука.

— Ну, как хочешь. Разве тебе у нас плохо?

— К чему эти разговоры, Марк! Хочет уйти — пусть уходит.

— Нет, мадам, не то, чтобы я хотел от вас уйти, но мой старший брат...

— Уже слышали. Можешь убираться!

— Я не думал уходить сегодня, хотел предупредить вас за неделю. Я бы мог подыскать вам другого садовника.

— Не твоя забота!

— А когда можно получить расчет? Сейчас или после обеда?

— Какой расчет?

— За десять дней этого месяца, мадам.

— Вот что, лучше не зли меня, проваливай подобру-поздорову.

Но самая крупная неприятность была еще впереди. Два дня спустя, когда госпожа собиралась на работу, явилась нянька, Абигайл, сунула младенца матери и исчезла. Кто угодно, но Абигайл! После всего, что для нее сделали! Когда ее взяли, она кишела вшами, путала полотенце с половой тряпкой, не умела даже напоить ребенка. А теперь настоящая леди: шьет, готовит, носит лифчик и чистое белье, пользуется духами и пудрой, выпрямляет горячими щипцами волосы. И вот благодарность!

С того дня госпожа Эменике вздрагивала, заслышав словосочетание «бесплатное начальное», бывшее у всех на языке. Ее коробили даже шутки по этому поводу, руки чесались треснуть шутников хорошенько. Бесчувственные пошляки!

И еще ее люто злили иностранцы, американцы в первую очередь — сорят деньгами и переманивают последних слуг у нигерийцев. Выяснилось, что садовник и не подумал уезжать в деревню, а работает у сотрудника фонда Форда. Новый хозяин положил ему семь фунтов в месяц, купил велосипед, а жене садовника — швейную машинку «Зингер».

— Почему они так поступают? — вопрошала госпожа Эменике. Она не ждала ответа — ей и без того все было ясно, но муж тем не менее не преминул указать на причину:

— У себя дома, в Америке, нанять слугу им не по карману. А когда приезжают сюда и видят, как это дешево, прямо с ума сходят. Вот в чем дело.

Через три месяца правительство убедилось, что его социалистический эксперимент оказался преждевременным и в условиях Африки нереальным. Бесплатное образование отменили и вновь ввели плату за обучение. Слывший социалистом министр просвещения потерпел поражение в затяжной войне с могущественным министром финансов.

— Для осуществления этой затеи пришлось бы вводить новые налоги,— заявил министр финансов на заседании кабинета.

— Что же, давайте так и поступим,— предложил министр просвещения, вызвав едкий смех своих коллег и даже сошек помельче, таких, как господин Эменике, которым в соответствии со строгими правилами дозволялось лишь безмолвно присутствовать.

— Делать этого нельзя ни под каким видом,— терпеливо разъяснил министр финансов, пряча снисходительную улыбку.— Быть может, моему досточтимому собрату нет дела до того, продержится ли наш кабинет до истечения срока своих полномочий, но другим это небезразлично. Мне бы, например, не хотелось покидать свой пост, пока не расплачусь с долгами, в которые я влез во время избирательной кампании...

Реплика была встречена оглушительным смехом и криками «браво, браво!». Увы, министру просвещения трудно было тягаться в ораторском искусстве с министром финансов. Во всем кабинете у того не было достойного соперника.

— Нельзя заблуждаться на этот счет,— продолжал министр финансов уже серьезным тоном.— Было бы непростительной глупостью облагать новыми налогами наши исстрадавшиеся массы...

— А я-то думал, что в Африке не существует «масс»,— попытался взять реванш министр просвещения, некоторые министры хихикнули, но большого успеха острота не имела.

— Извините, что вторгаюсь в вашу сферу, дорогой коллега,— парировал министр финансов,— коммунистические лозунги так прилипчивы! Позвольте мне продолжить. Новые налоги неизбежно вызовут народное недовольство, и нам придется призывать на помощь армию. Пора уже всем усвоить простую истину: именно налоги, а не плата за обучение порождают протест. Любому бедняку ясно, за что взимается эта плата: каждое утро его ребенок уходит в школу и возвращается домой после обеда. Но стоит заикнуться о новом налоге — и тут же правительство обвинят в том, что оно ворует народные деньги. С другой стороны, налоги обязательны для всех, в то время как никто никого не заставляет платить за обучение детей. Не хотите, ну и на здоровье, пусть ваши малыши сидят дома. В конце концов у нас же демократия!

Все согласно закивали, вновь раздались возгласы «браво!». Господин Эменике испытывал безграничное восхищение перед министром финансов. Он закричал «браво» так громко, что удостоился даже сурового взгляда самого премьер-министра.

Затем выступили другие члены кабинета, и правительство приняло решение не отменять закон, а лишь приостановить его действие до тех пор, пока все связанные с ним проблемы не будут тщательно рассмотрены и изучены.

Это решение явилось жестоким ударом для десятилетней Вероники. Веро успела полюбить школу, избавлявшую ее от трудной и унылой работы по дому. Ее мать, бедная вдова, от зари до зари гнувшая спину в поле, возложила на Веро заботу о младших детях. Впрочем, в уходе нуждалась лишь грудная сестренка Мэри. Двое братьев, семи и четырех лет, могли уже заботиться о себе сами: собирали пальмовые орехи, ловили кузнечиков — словом, с голода не умрут! Но Мэри — совсем иное дело. Малютка почти все время плакала. Пальмовые орехи были ей еще не по зубам. Веро ей их разжевывала, а в полдень кормила девочку фу-фу[1] и разбавленными водой остатками вчерашнего супа. От супа, орехов, кузнечиков и сырой воды живот у Мэри становился большим и тугим, как барабан, но она все равно не затихала.

Незавидная судьба выпала на долю их матери. Давным-давно она училась в школе св. Моники, созданной белыми миссионерками. В ней готовили будущих жен для местного духовенства. Поначалу все складывалось неплохо. Большинство ее школьных подруг со временем вышли замуж за учителей и за пасторов, две из них теперь были даже супругами епископов. Но Марта под влиянием своей наставницы госпожи Робинсон вышла за плотника, выпускника миссионерского ремесленного училища в Онитше, где для спасения душ туземцев наряду с Библией их обучали и ремеслу. Госпожа Робинсон была в восторге от училища, с директором которого она впоследствии обвенчалась.

Служение господу и учительство оказались куда более прибыльными занятиями, чем столярное дело. И когда муж Марты умер (или, как сказали бы миссионеры, был призван в небесные чертоги на службу господу, который и сам некогда плотничал на грешной земле), он не оставил ей ни гроша.

Замужество было неудачным с самого начала. Целых двадцать лет пришлось ждать первенца, так что сейчас Марта была уже старухой с малыми детьми на руках, и сил у нее оставалось мало. Но она не сетовала на судьбу. Господь в своей милости исцелил ее от бесплодия, ей впору прыгать от радости. На что же жаловаться — только бога гневить!.. Еще за пять лет до кончины ее мужа разбил паралич. Но и это тяжелое и несправедливое испытание она приняла как должное.

Вскоре после того, как Веро исключили из школы, в деревню из столицы прикатил их земляк, господин Эменике. Большой государственный человек нанес визит Марте. Оставив «мерседес-220» на обочине шоссе, он прошагал пешком пятьсот ярдов по узкой, недоступной для автомобиля тропе к хижине вдовы. При виде столь великого человека Марта смутилась, потом поднесла ему орехи кола, которыми потчуют по обычаю дорогих гостей. Она недолго терялась в догадках — великий человек, как истый гражданин, не стал терять времени зря и сразу перешел к делу.

— Мы ищем девочку, которая могла бы приглядывать за нашим младенцем. Мне посоветовали обратиться к вам... по поводу вашей дочери.

Марта отнекивалась, но когда великий человек предложил пять фунтов в месяц, бесплатную еду, одежду и все остальное, она начала смягчаться.

— Дело, конечно, не в деньгах. Будет ли моей девочке хорошо у вас?

— Об этом не беспокойтесь, ма. Мы ее примем, как родную. Моя супруга работает в благотворительной организации и знает, как надлежит обходиться с детьми. Поверьте, вашей дочери у нас понравится. Все, что ей придется делать, это давать малютке молоко и менять пеленки, пока жена на работе, а другие дети в школе.

— Веро тоже еще недавно ходила в школу,— непроизвольно вырвалось у Марты.

— Да, правительство поступило плохо, очень плохо. Но я уверен, что если ребенку сужде-

[1] Нигерийское национальное блюдо.

но кем-то стать, он все равно им станет, ходит он в школу или нет. Это уж как на роду написано.

Марта уставилась в пол, а потом сказала, не поднимая глаз:

— Когда я выходила замуж, я сказала себе: «Пусть твои дочери будут счастливее тебя. Я окончила всего три класса, а они будут учиться в колледже». А выходит, им не удастся и того, что удалось мне тридцать лет назад. Думаю об этом, и сердце разрывается.

— Ма, не терзайтесь попусту. Все предопределено всевышним. Чему быть, того не миновать.

— Буду молить бога, чтобы детям моим выпало больше радости, чем мне или моему покойному мужу.

— Аминь! А если окажется, что девочка ваша послушная и умненькая, то почему бы нам не отдать ее в школу, когда наш малютка немного подрастет? В самом деле, почему бы нет? Она еще наверстает. Сколько ей теперь?

— Десять лет.

— Вот видите, совсем еще дитя. Все у нее впереди.

Он знал, что говорит это для красного словца, и Марта тоже это знала. Но Веро, сидевшая в укромном уголке за перегородкой и внимательно слушавшая разговор взрослых, приняла все за чистую монету. Она даже подсчитала в уме, сколько времени понадобится младенцу, чтобы научиться ходить, и получалось не так уж много. Она обрадовалась предстоящему переезду в столицу, в дом великого человека. Ребенок скоро подрастет, и ее снова отдадут в школу!

Веро была доброй и смышленой девочкой. Господин Эменике и его супруга не могли на нее нарадоваться: Веро все схватывала на лету. Госпожа Эменике, долго пребывавшая в дурном настроении из-за истории со слугами, наконец вздохнула с облегчением. Теперь она злорадствовала по поводу провала «бесплатного начального». Вновь она могла бывать в гостях, уходить из дома когда вздумается и не беспокоиться о малыше. Ей так нравилась Веро, что она любовно окрестила ее «маленькая хозяйка». Она не могла вспоминать без содрогания ужасное время, наставшее после ухода Абигайл. Долгие месяцы тщетно искала она няню. Однажды пожаловала перезрелая молодящаяся особа и запросила семь фунтов в месяц. Она знала наизусть все правила найма рабочей силы и, вероятно, считала, что и легкий флирт с мужем хозяйки является ее неотъемлемым правом. Марк, конечно, вне подозрений, но все-таки госпожа Эменике этой нахалке отказала. И вот теперь поиски увенчались удачей: Веро — сущая находка!

Каждое утро старшие дети госпожи Эменике — три девочки и мальчик — отправлялись в школу в отцовском «мерседесе» или в тесном, дребезжащем мамином «фиате». Веро с младенцем на руках выходила на крыльцо проводить их. Она любовалась их нарядной школьной формой, красивыми туфлями — сама Веро никогда в жизни обуви не носила. Девочка завидовала своим счастливым сверстницам, но в первые месяцы зависть была не очень сильной. Ведь Веро и самой повезло: она уехала из деревни, из убогой материнской хижины, не ест пальмовых орехов, от которых болел живот, и пустого супа из горьких листьев. Но шло время, и ей все сильнее хотелось уезжать каждое утро от наскучивших домашних дел и забот, хотелось носить красивое платьице, и туфли, и нарядный ранец с бутербродами и печеньем в крахмальной салфетке.

Однажды, когда маленький «фиат» увез детей, крошечный Годди расплакался на руках у Веро. Чтобы утешить ребенка, Веро сочинила песенку:

Пыхтит, шумит машинка, ой-ой-ой!
Везет ребяток в школу.
Возьми меня с собой!

Песенка ей очень понравилась, и она напевала ее все утро. В час дня господин Эменике привез детей из школы и снова уехал на работу. Веро научила их своей песенке, и они долго распевали ее, позабыв «Черную овечку» и «Простака Симона», разученные в школе.

— Девочка просто умница,— воскликнул господин Эменике, когда услышал песенку, а его жена прямо покатилась со смеху.

— Ты смеешься над моей машиной, негодница! — сказала она Веро, но в глазах хозяйки девочка увидела не гнев, а веселье.

— Девочка просто гений,— твердил хозяин дома.— А ведь она и в школу-то почти не ходила.

— Даже ей ясно, что тебе пора купить мне новую машину,— проворчала госпожа.



— Так и быть, дорогая. В будущем году получишь спортивный автомобиль.

— Ловлю тебя на слове.

— Не веришь? Вот увидишь!

Летели недели и месяцы, и вот уже маленький Годди научился говорить отдельные слова, но никто не вспоминал, что Веро пора отдать в школу. Девочка решила, что виноват в этом Годди: слишком медленно растет. Видать, ему нравится кататься у Веро на спине, хотя мог бы уже и сам ходить. Только и слышишь от него: «Поноси меня!» Веро и об этом сочинила песенку:

Ношу, ношу, ношу тебя,
Все время я ношу тебя!
Устала твоя Веро!
Терпеть уж больше не могу —
Возьму и в школу убегу.
Устала твоя Веро!

Она мурлыкала песенку все утро, но старшим детям ее петь не стала, пела ее, только оставаясь вдвоем с Годди.

Однажды, когда госпожа Эменике вернулась с работы, она заметила, что у Веро накрашены губы.

— Подойди ко мне,— приказала она, испугавшись за свою дорогую помаду.— Что это такое?

Оказалось, что на губах у Веро не помада, а всего лишь красные чернила из кабинета мужа. Хозяйка не могла сдержать улыбки.

— И ногти накрасила! Значит, вот чем ты занимаешься, вместо того чтобы присматривать за малышом! Смотри, не попадайся больше! — Хозяйка справилась с невольной улыбкой и решила напугать девочку.— Разве ты не знаешь, что красные чернила ядовиты? Если решила отравиться, то сначала уезжай домой к маме. Там можешь делать с собой, что хочешь!

Угроза подействовала. Веро заметно перепугалась, и хозяйка осталась довольна собой. За ужином она рассказала эту историю мужу. Господин Эменике пожелал сам взглянуть на Веро.

— Так-так,— протянул хозяин, отпустив жестом маленькую служанку.— Девочка быстро все постигает. Знаешь поговорку: «Когда корова жует сорную траву, телята смотрят ей в рот»?

— Значит, я корова? Сам ты носорог! — обиделась госпожа.

— Это всего лишь поговорка, дорогая.

Неделю спустя госпожа Эменике, вернувшись с работы, обратила внимание на то, что младенец слишком тепло одет. Утром на нем был другой, более легкий костюмчик.

— Почему ты переодела Годди?

— Он упал и испачкался,— ответила Веро, заметно смутившись. Госпожа решила, что малыш сильно ушибся при падении.

— Где он упал? — спросила она с тревогой.— Неси-ка его сюда! Что это? Кровь?! О боже!

Веро заплакала, чего с ней никогда не случалось раньше. Госпожа Эменике выбежала во двор и сорвала с веревки сохнувший костюмчик. Белый жилет и голубые штанишки были в больших красных пятнах.

Хозяйка набросилась на Веро с кулаками, потом стала хлестать ее кнутом, пока лицо и руки девочки не покрыли кровавые полосы. И только тут Веро созналась, что поила малыша красными чернилами из пузырька. Госпожа Эменике бессильно опустилась на стул и разрыдалась.

Подоспевший господин Эменике даже не стал обедать. Он затолкал Веро в «мерседес», чтобы отвезти ее за сорок миль в деревню, к матери. Он не хотел брать с собой жену, но госпожа Эменике настояла на том, что тоже поедет и возьмет с собой младенца.

Как и в прошлый раз, господин Эменике остановил «мерседес» на шоссе, распахнул дверцу, вытащил девочку на дорогу, хозяйка выбросила ей вслед узелок с вещами, и машина тут же умчалась.

Когда усталая и мрачная Марта пришла домой с поля, выбежавшие ей навстречу дети, перебивая друг друга, объявили, что вернулась Веро и плачет теперь в своем закутке. Марта уронила на землю корзинку и вбежала в дом. Долго она ничего не могла понять:

— Ты напоила ребенка красными чернилами?.. Чтобы ходить в школу?.. А ну, пойдем-ка к ним — господа, наверное, заночуют в дерев-

не. Не пойму я тебя. Может, украла что-нибудь? Сознавайся!

— Нет, мамочка, я к ним не пойду. Они меня убьют!

— Пойдем, пойдем, раз сама не хочешь рассказать все толком.

Марта схватила девочку за руку и потащила за собой. На улице ей бросились в глаза кровоподтеки на лице, шее и руках девочки, и Марта судорожно глотнула слюну.

— Кто тебя бил?

— Хозяйка.

— За что? Расскажи все, как было.

— Я дала ребенку красных чернил...

Веро громко разрыдалась. Марта снова ухватила ее за руку и потащила за собой. Она даже не переменила платья, не вымыла лица и рук. Встречные мужчины и женщины охали при виде следов от побоев и спрашивали, чьих это рук дело.

— Не знаю пока,— отвечала Марта,— но скоро узнаю.

Ей повезло: большой автомобиль стоял у дома, значит, господа не уехали в столицу. Марта постучала в парадную дверь и вошла. В гостиной госпожа Эменике кормила малыша из бутылочки. Она не произнесла ни слова и отвернулась от незваных гостей. Через некоторое время со второго этажа спустился сам господин Эменике и рассказал, как было дело. Когда Марте наконец стало все ясно: Веро пыталась отравить ребенка,— бедная вдова вскрикнула и заткнула пальцами уши, желая показать, что не может слушать дальше. Она выбежала во двор, сорвала ветку с цветущего куста, быстрым движением пальцев очистила ее от листьев и вернулась в дом.

— Это чудовищно! — стонала она. Веро с плачем бегала по гостиной, прячась от матери.

— Не смейте бить ее в моем доме,— холодно и сухо произнесла госпожа Эменике.— Уходите прочь. Хотите показать свое возмущение, а я не желаю этого видеть! Делайте с девчонкой что хотите, но только не здесь. Я не учила вашу дочь убивать.

Последние слова больно ранили Марту, и она застыла на месте, опустив прут.

— Дочь моя,— с трудом выдавила она, обращаясь к молодой женщине.— Вы видите, я нищая, но я не убийца. Бог свидетель, я Веро таким вещам не учила.

— Выходит, я ее научила.— Госпожа Эменике обнажила ровные, белоснежные зубы в фальшивой улыбке.— Или эта зараза передалась ей по воздуху. Скорее всего, так оно и было. Послушай, женщина, забирай свое отродье и ступай прочь из моего дома!

— Пойдем, Веро, пойдем.

— Скатертью дорожка!

Тут заговорил господин Эменике, давно уже пытавшийся вставить словцо:

— Это промысел дьявола. Я всегда знал, что безумная тяга к образованию до добра нас не доведет. Все в этой стране словно помешались. Вот и дети готовы на убийство, лишь бы в школу ходить.

Эта неуклюжая попытка примирить враждующие стороны еще больше растравила Марту. Она потащила Веро домой, все еще сжимая в руке розгу, которую так и не пустила в ход.

— Выродок! — негодовала она, осыпая девочку проклятиями. — Господи, за что мне такие муки? Если бы ты не родилась так поздно, то могла бы быть ровесницей этой змее, назвавшей меня убийцей. Я ей в матери гожусь, а она плюет мне в лицо...

Марта дала волю слезам.

— ...Вот до чего ты меня довела.— Она резко дернула Веро за руку.— Пощады не жди!..

Но тут странный, неосознанный бунт начал медленно охватывать ее:

— Это ничтожество, называющее себя мужчиной, смеет говорить мне о безумной тяге к образованию! Его дети ходят в школу, даже тот, кому всего два года. Это не безумие. Еще бы, ведь он богач. И только когда дети бедных вдов хотят быть как другие — это считается безумием. Господи, что это за жизнь? Бедное мое дитя, кто научил тебя такой пакости? Бог свидетель, я не виновата...

Марта отшвырнула прут и освободившейся ладонью утерла слезы.

Перевел с английского В. РАМЗЕС.



НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА

Недавно из Польской Народной Республики вернулась группа ветеранов Великой Отечественной войны, принимавших участие в освобождении братской страны от фашизма. Это была наша вторая встреча с Польшей. А первая произошла в суровые военные годы.

Майор Х. А. Бритаев был тогда комиссаром партизанского соединения, сражавшегося на Люблинщине. Полковник-инженер М. П. Колесников воевал в составе 1-го польского танкового корпуса. Капитан Войска Польского Н. Н. Лукашев освобождал Люблин и Варшаву. Полковник И. Н. Потапенко участвовал в обороне Пулавского плацдарма, в освобождении Лодзи, Калиша, Познани и других польских городов. Сержант А. С. Павлова была радисткой партизанского соединения, действовавшего в Польше. Генерал-майор С. А. Фомин участвовал в освобождении Польши и взятии Берлина.

Вместе с нами в Варшаву приехали родственники советских воинов, погибших на польской земле.

Мы не были в Польше 30 лет. Мы помним еще теплые печи Майданека с горами пепла от сожженных фашистами людей, помним горящие города и села, разбитые дороги, заполненные беженцами, руины Варшавы. И мы помним, как радостно встречали поляки своих освободителей.

То, что мы увидели в Польше в эти дни, когда страна готовилась торжественно отметить 30-летие своего освобождения, превзошло все наши ожидания. Польский народ, возродивший за исторически короткий срок свое государство на социалистической основе, любовно отстроивший свою столицу, изменивший облик городов и сел, совершил подвиг. И было очень приятно сказать об этом нашим боевым товарищам. Встречи с ними проходили очень сердечно, тепло. В Варшаве мы увиделись с бывшими партизанами Казимиром Валюком, Анатолием Еглинским, Мечиславом и Юзефой Басюкевич — она была радисткой в партизанском отряде,— разведчицей Вандой Янишевской. Было что вспомнить друзьям по оружию!

Польские товарищи сделали все возможное, чтобы помочь нам как можно лучше познакомиться с их страной, людьми, их трудовыми достижениями. Юзефа Басюкевич, бросив личные дела, отправилась вместе с нами в Плоцк, помогла организовать встречу с польскими ветеранами войны в этом городе.

В Люблине нас пригласили на торжественное открытие памятника польским и советским партизанам в Яновских лесах.

Большая лесная поляна заполнена народом. Торжественно звучит перекличка отрядов, участвовавших в боях. Гремит салют. Возникает картина боя партизан с фашистами.

В торжественной церемонии открытия памятника принимали участие председатель Совета Министров ПНР П. Ярошевич, министр национальной обороны ПНР генерал брони В. Ярузельский, посол СССР в Польше С. А. Пилотович, делегация советских ветеранов войны.

Здесь, на этой поляне, одна из участниц нашей поездки, К. И. Андрейко, нашла могилу своего брата, Героя Советского Союза М. И. Петрова. Возник импровизированный митинг. На могилу были возложены венки.

Люблинцы проявили к нам исключительное гостеприимство. Незнакомые люди приглашали к себе в дом. Члены нашей группы побывали в гостях у бывших польских партизан Анны Савицкой и Йозефа Елень, на приеме в местном отделении Союза борцов за свободу и демократию, на текстильной фабрике, где директор бывший партизан, полковник в отставке Вишневский.

А разве можно забыть дни, проведенные в Варшаве! Мы видели документальный фильм, сохранивший облик разрушенной, но непокоренной Варшавы, побывали на кладбище советских и польских воинов. Никогда не увядают цветы на их могилах.

Мы глубоко признательны польскому народу, своим боевым друзьям за память о совместных жертвах, понесенных в борьбе за свободу и независимость наших стран. Эти жертвы были не напрасны. Скрепленная кровью польско-советская дружба — залог силы и безопасности наших стран, всего социалистического содружества.

Генерал-майор в отставке В. НИКОЛЬСКИЙ

На снимке: встреча польских и советских товарищей по оружию.



НАДЕЮСЬ, ЖИВ ТОТ ПАРЕНЬ

Это произошло в начале июля 1942 года. Я вторично бежал из фашистского плена. Мне удалось достать гражданскую одежду и добраться на поезде до Катовице. Просидев ночь в кустах привокзального сквера, на рассвете я двинулся к востоку. Миновал несколько улиц и оказался на магистрали Катовице — Краков. Когда проходил последний дом и впереди уже виден был лес, я услышал за собой шорох велосипедных шин. Велосипедист — светловолосый парень моих лет — догнал меня и двигался рядом.

— Куда идешь? — спокойно и доброжелательно спросил он.

Я ответил по-польски, что иду в Краков, там живет мой дядя.

— Не ходи дальше. За поворотом стоят фашисты и задерживают таких, как ты.

— А тебе что за дело?— сказал я и сжал нож в кармане.

Пройдя несколько шагов, я рывком обернулся, готовый броситься с ножом. Парень стоял и спокойно улыбался.

— Оставь нож. Поверь, я хочу спасти тебя. Ты не первый, кого я предупреждаю. Я переводчик управы. Ненавижу гитлеровцев и помогаю русским. Вот сижу в этом доме и смотрю на проходящих. Сразу видно русского. Могу даже сказать, из какого лагеря. Я угадал?

— Ну, предположим.

Парень продолжал:

— Вернемся вон к тому дому. Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Он ушел, а я остался ждать. Я мог уйти, но почему-то ждал. Вскоре парень вернулся. С ним был еще один поляк. Они вручили мне пропуск и билет на автобус, дали явку в Кракове, и мы распрощались.

За поворотом действительно стоял гитлеровский патруль. Автобус остановили, проверили пропуска, и мы двинулись дальше.

Прошло много лет. Я часто вспоминаю польского парня, спасшего меня от верной гибели. Да и не меня одного.

Пишу в надежде, что жив этот человек. Ему уже, как и мне, под шестьдесят. Еще хотелось бы передать всем полякам, с которыми встречался на дорогах войны, сердечный братский привет. И если будет возможность у польских товарищей, пусть навестят меня, Зарицкого Леонида по кличке, а в действительности Заблоцкого Евгения.

Е. ЗАБЛОЦКИЙ

Ялта.



Джузеппе Мариа Креспи. 1665—1747. АВТОПОРТРЕТ.



Джузеппе Мариа Креспи.
ДВЕ БИБЛИОТЕКИ.
Фрагмент.

Городской музей музыкальной литературы. Болонья.

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИЙ ТАЛАНТ

Николай ТИХОНОВ

Исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения Петра Андреевича Павленко. Его жизнь не такая долгая, но заполненная трудами мужественного коммуниста, отличного писателя-интернационалиста,— пример прекрасного служения передовым идеям века для всех, кто борется за победу коммунизма.

В его записной книжке есть такая запись: «Все пути ведут к коммунизму. Это так. Все профессии, все жизненные дороги. Все. Все».

В молодости он ушел в Красную Армию, был в двадцать лет комиссаром, был пограничником, после гражданской войны работал секретарем советского торгпредства в Турции. Зимой 1939/40 года он принимал участие в войне с белофиннами. В Великую Отечественную полковник Павленко побывал на Западном, Брянском, Крымском, Закавказском и 3-м Украинском фронтах. Войну он закончил в рядах 3-й Гвардейской армии, освободившей Вену. Он серьезно заболел и был вынужден по состоянию здоровья поселиться в Крыму. За боевые годы он имел орден Красного Знамени и орден Красной Звезды. В 1939 году вместе с группой писателей П. А. Павленко был награжден орденом Ленина.

С первых дней своей литературной деятельности он мыслил большими планами, большими пространствами. Его ранние книги — «Азиатские рассказы», «Стамбул и Турция» — носили следы восточной романтики и были талантливым, ярким словом литератора, хорошо знающего Восток, но не обнажающего до конца печальную правду его тогдашнего существования.

Но Павленко недаром был представителем того поколения писателей, которое дало миру новый тип творца — активного участника борьбы за победу коммунизма. Он с огромным интересом изучал историю Парижской коммуны, хотел представить борьбу всех народов мира за свое будущее, борьбу за преобразование природы, за нового человека.

Его наставником и учителем, по признанию самого Павленко, становится основоположник литературы социалистического реализма Максим Горький. Павленко посылал ему свои произведения и получал его дружескую, подчас суровую критику.

Молодой Павленко ищет новые изобразительные средства. Он записывает в своей записной книжке: «Тот, кто не может влюбиться в один из тысяч рассветов, запомнить одно из тысячи деревьев, унести в сердце одну из тысяч улыбок,— тому трудно писать».

Павленко был бесподобным рассказчиком. Целые сцены в лицах он мог разыгрывать, как прекрасный актер. Любя короткий рассказ, он до конца своей жизни совершенствовал его. Но в то же время он тянулся к роману, который давал возможность создавать большие картины и сильные характеры. Так, после «Баррикад» явились романы «На Востоке» и «Счастье».

Павленко — борец, агитатор строительства социализма — делает главной своей темой победоносное созидание в Советской стране, рисует новые, неповторимые характеры эпохи.

В романе «На Востоке» Павленко хотел показать советских людей, превративших заброшенный и дикий край в передовой, хотел показать рост человека социализма и рост страны. Это был роман о глубоком и могучем дыхании строителей нового. Это была песнь о первом пятилетнем плане, которым жила вся страна от Москвы до Тихого океана. И сюда же вошла тема войны, которой грозили японские империалисты.

Герои Павленко со времени книги о Парижской коммуне — это борцы за народное



счастье. «Восстание было самым главным и ответственным героем повести»,— заявил Павленко в свое время о «Баррикадах». «На Востоке»— работа для счастья народа и борьба с врагом за это счастье. Все, кто способствовал росту коммунистов, их воспитатели — руководитель края Михаил Семенович, геолог Шотман, комиссар Шершавин, чекист Шлегель, комдив Винокуров, — все они несут большую веру в дело социализма, упорство характера, душевную широту, все они бойцы, готовые преодолеть любые препятствия, все они борцы за коммунизм. Роман был предупреждением будущему агрессору, и прав критик, сказавший: «П. Павленко своим романом «На Востоке» выступил как художник-реалист, как подлинный агитатор партии».

Кончена всемирно-исторической победой Советского Союза и стран-союзников вторая мировая война. Павленко в разрушенном войной Крыму, больной, заваленный огромной общественной работой по восстановлению Крыма, переполненный впечатлениями, картинами отгремевшей войны, поглощен новыми замыслами. Перед ним проносятся и те дни, когда он с десантом Куникова высаживался на «Малую землю», дни боев на улицах Вены,— и теперь он видел, как советские люди, эти непобедимые труженики войны, работают над восстановлением крымской земли, покрытой развалинами, разбитой снарядами и бомбами.

Тогда возникает замечательный роман — «Счастье». В нем тема, когда-то волновавшая писателя и нашедшая свое выражение в романе «На Востоке», сливалась с темой борьбы за будущее. Люди, приехавшие в послевоенный Крым, пришли с дорог и полей войны. Беды окружали людей. Инвалиды, сироты, нехватка самого необходимого. Герой романа, тоже инвалид войны, полковник Воропаев, ищет свое место среди этих людей, самых различных по характеру. Было у полковника что-то от самого автора. Все эти, такие близкие, Юрии и Натальи Поднебески, Варвары Огарновы, Цимбалы, Ани Ступины, Лены Журины жили рядом с ним. Он видел их каждый день, он знал, чем они дышат, какие у них мысли, какие заботы, как сложны их характеры.

Свобода языка, широта жизненного охвата, правда характеров и совершавшихся событий делали книгу настолько убедительной, что естественным явилось то, что после этого романа в Крыму возникло движение «воропаевцев».

Роман назывался «Счастье». Павленко сам говорил мне:

— Я много перебрал названий, но я именно хотел сказать, что жизнь на миру, во имя людей — это жизнь самая счастливая, самая полноценная. Это счастье истинное, огромное, непреходящее.

Но это было еще и другое счастье. Это было счастье писателя, нашедшего себя в такой теме, которая растворила все его творческое напряжение в потоке жизни, в народном потоке, дала ему неизъяснимое наслаждение от ощущения людей и событий, прошедших через самые глубокие его переживания. Этот роман и сегодня не потерял своего значения. Образ Воропаева вошел прочно в память читателей.

После «Счастья» Павленко начал писать роман, который, по его признанию, «был бы по самой теме не только русским или узко советским, а коммунистический, международный роман... роман великих восстаний, бунтарств, мучений и геройств».

«Труженики мира» открывали эпопею, которая должна была обрисовать события великого десятилетия 1939—1949 годов. В первой книге этого романа, носящей название «Моя земля», изображается народная стройка в Узбекистане, которая шла в дни, когда фашисты уже развязали мировую войну, вторглись в Польшу. «В сущности,— пишет Павленко,— в мире шли две войны. На одной войне убивали, жгли города, выгоняли детей из домов в поля, на другой, бескровной, войне строили, созидали, растили людей». Эта мысль составляет, мне кажется, основную идею первой книги романа.

На стройке Ферганского канала мы видим и группу эмигрантов-антифашистов, которые, являясь свидетелями всенародной стройки, невольно вспоминают жизнь своих, захваченных врагом стран, и эти их горькие воспоминания о поражении республиканской Испании, о Вене, о Праге постоянно подчеркивают контраст между двумя мирами. Мы чувствуем, что через судьбы намеченных героев раскроется рост нового, неизвестного Европе человеческого достоинства и нравственного величия. К сожалению, роман остался незаконченным.

Павленко, с юности тяготевший к новелле, маленькому повествованию, оставил нам теплую, полную сердечной нежности и тоже совершенно сегодняшнюю повесть «Степное солнце», посвященную советским детям, «маленьким большевикам, которым принадлежит будущее». Это повесть о мальчике Сереже, который едет с отцом-шофером в деревню из приморского города с колонной грузовиков для помощи в уборке урожая. Действие происходит в сегодняшней степи, и это уже не чеховская степь, а пробужденная, живая, в которой работает новый человек и новая небывалая техника. Это крепкая школа жизни для подростка.

Петр Андреевич Павленко был и прекрасным публицистом. Известны его живописные очерки —«Американские впечатления», «Итальянские впечатления», «Молодая Германия». Его перу принадлежит и сценарий такого выдающегося фильма, как «Александр Невский», другие сценарии. Он много занимался общественной работой, был депутатом Верховного Совета СССР, ему присуждены Государственные премии СССР. Много сил и времени Павленко отдавал защите дела мира.

И умер он, работая над статьей, посвященной великому Горькому, и его слова о том, что Горький «жил и умер в гуще схватки за строительство социализма», можно отнести и к Петру Андреевичу Павленко, верному солдату той армии гуманистов, командармом которой был великий гуманист Максим Горький.

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки И. УШАКОВА.

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

14. Октябрь, 1943.
Париж, рю ль'Ординер, 3,— рю Монсени

Полиция!.. Жак-Анри приникает к окну, напряженно следя за тем, как из черного «рено» выбираются два ажана и немец в форме лейтенанта.

— Мсье Дюпле! Мсье Дюран!

Это хозяин. Жак-Анри выходит на площадку и перегибается через перила. Внизу, у подножия лестницы, рядом с хозяином уже маячит ажан.

— Вы Дюпле?

— Жак Дюран, с вашего разрешения.

— Спускайтесь-ка, милейший, и прихватите Дюпле.

— А в чем дело?

— Спускайтесь, вам говорят!

Жюль совсем некстати выглядывает на площадку, не замечая предостерегающего жеста Жака-Анри.

— Ну, долго мне еще вас уговаривать?

— Сейчас,— говорит Жак-Анри и делает шаг назад.

Там, внизу, к полицейскому присоединился немец, и Жюль с Жаком-Анри, стоящие на освещенной площадке, представляют хорошую мишень.

— Но надо же нам одеться! — протестует Жюль и незаметно тянет Жака-Анри за полу пиджака.

Поздно! Немец что-то говорит ажану, и тот поднимается по лестнице. Кобура пистолета у него расстегнута. Жак-Анри прикидывает, что произойдет, если удастся сбросить его вниз, на лейтенанта, но появление второго полицейского, вышедшего из магазина и застывшего за спиной немца, превращает его план в иллюзию. Жюль наваливается на Жака-Анри плечом, шепчет: «Похоже, влипли!»

— Мы идем, господин сержант.

— Я не поеду в пиджаке! — твердо заявляет Жюль.

— В машине тепло.

Жак-Анри — руки в карманы — заносит ногу над ступенькой. Препираться бессмысленно. Трое вооруженных людей все равно заставят двоих безоружных повиноваться... Но как нелепо, неправдоподобно легкомысленно обставлен арест! Так хватают спекулянтов с черной биржи, а не «врагов империи»: не окружив дома, с пистолетами в кобурах... А хозяин? Почему он не подал сигнала?.. Может быть, конкуренты донесли в префектуру, что господа Дюпле и Дюран сбывают иностранцам предметы искусства, запрещенные к вывозу? Ложный донос, конечно, удастся опровергнуть — в крайнем случае инспектора и комиссар получат достаточный куртаж... А если не донос? Тогда что: неточность в документах, какая-нибудь крохотная ошибочка, замеченная секретарем префектуры 18-го района при перерегистрации?

Жюль, возмущенно сопя, спускается за Жаком-Анри. Второй полицейский становится у двери черного хода, а немец жестом указывает на дверь магазина.

— Живее!

— Но все-таки в чем дело? — спрашивает Жак-Анри.

— Поменьше болтайте.

— Не понял?

— Господин лейтенант приказывает тебе прикусить язык! — переводит полицейский.

Они проходят через торговый зал мимо застывших посетителей и хозяина, незаметно подмигивающего Жаку-Анри. Жюль неловкими движениями пытается достать из пачки сигарету и роняет ее на пол. Жак-Анри с замершим сердцем ждет, что кто-нибудь из конвоиров нагнется, но сигарета, выпачканная грязью, так и остается лежать у прилавка, и можно надеяться, что хозяин подберет ее и спрячет.

Семиместный «рено» специально оборудован для полицейских нужд — ручки на внутренней стороне дверей отсутствуют, диванчик водителя и переднего седока отделен от остальной части кабины проволочной сеткой. Это печально знаменитый «собачий ящик», за последние годы ставший в парижском быту такой же неотъемлемой частью, как Нотр-Дам или статуя Лафайета.

Жюль перекатывает из угла в угол рта незажженную сигарету. Немец и полицейские молчат: ажаны — у левой и правой дверец, лейтенант — впереди. Жак-Анри видит его подбритый затылок и красную каемку на шее — след от тесного воротника. Жюль тихо толкает его локтем; подбадривая, улыбается краешками губ. Толстый нос его покрыт капельками пота.

В дежурной части префектуры за проволочным ограждением, на скамейках и прямо на полу, жмутся друг к другу люди — много людей... Гомон и тяжелая вонь, заплеванный пол, лампа под потолком в плоском эмалированном абажуре. За барьером — сержант, уткнувшийся в юмористический журнал... Все это Жак-Анри успевает вобрать взглядом, пока их проводят через комнату в полутемный коридор и усаживают на скамью возле обшитой железом двери. Немец ныряет в нее, а полицейские вытягиваются по концам скамьи.

— Весело у вас тут,— говорит Жюль, осматриваясь.

— Еще прослезишься! — обещает полицейский — тот, что был за переводчика.

— Жаль. Я как раз забыл платок.

Второй полицейский прыскает и на миг превращается из истукана в завсегдатая Винного рынка — любителя молодого красного и анекдотов. Жак-Анри смотрит на него и мысленно ощупывает свои карманы: кажется, ничего лишнего. А у Жюля? Ту ли сигарету он выбросил?..

Дверь открывается, высвечивая на полу широкий треугольник...

— Пусть войдет Дюран!

— Дюран! — повторяет любитель анекдотов.

Жак-Анри быстро пожимает руку Жюля и встает.

— Можешь войти.

Зарешеченное окно — стрельчатое, застекленное поверху разноцветными осколками, забранными в медную оправу. Стол, покрытый газетами. Несколько стульев — у стен и возле стола. И два немца — уже знакомый лейтенант и щуплый, узкогрудый капитан.

— Документы при вас? — спрашивает капитан на ломаном французском и обращается по-немецки к лейтенанту: — Вы говорили с ним?

— Нет.

— Это правильно, Курт.

Жак-Анри достает удостоверение личности. Капитан сосредоточенно листает, шевеля губами.

— Дюран... Эксперт по фарфору? Это так?

— Там написано.

— Хорошо. Надеюсь, вы умеете отличить старый мейсенский фарфор от подделки?

— Конечно,— говорит Жак-Анри, ему становится весело и легко.— Фарфор здесь?

— Вот он. Хорош?

Капитан сдергивает газету, складывает ее по сгибам. На зеленом сукне стола два сервиза и несколько бронзовых ваз.

— Нужно иметь лупу? Пожалуйста!

— Нет,— говорит Жак-Анри.

Фарфор новый, не старше пятидесяти лет. Это видно по рисунку: слишком много золота. Жак-Анри берет одну из чашек, дышит на нее; туманное пятно быстро сжимается, сходит на нет. Будь это старый фарфор, микроскопические капельки воды задержались бы в невидимых глазу трещинках, иссекших поверхность глазури.

— Конец девятнадцатого века,— говорит Жак-Анри и ставит чашку на стол.

— Вы не ошиблись?

Капитан, задав вопрос, повторяет по-немецки: «Конец девятнадцатого»,— и многозначительно смотрит на лейтенанта.

— Сколько он имеет цены?

— Рыночная цена — полторы-две тысячи франков. С аукциона можно получить и больше, если найдется любитель.

Капитан слово в слово переводит фразу, и Жак-Анри видит, как у лейтенанта бешено вспыхивают глаза.

— О черт!

— Спокойнее, Курт!

— Нет, но какая грязная свинья!

— Он пожалеет!.. Спросим о бронзе...

Жак-Анри вслушивается в диалог, догадываясь, в чем дело. Капитан указывает на вазу.

— А это?

— Бронзой занимается мсье Дюпле.

— Хорошо, присядьте... Вот там... И не надо вмешиваться, поняли?

Капитан идет к двери, открыв, зовет: «Дюпле!» — и возвращается к столу.

Жюлю требуется не больше минуты, чтобы понять все.

— Патину нанесли недавно. Может быть, купали в марганцовке, а может, использовали хромистое серебро... Но работа отличная, и чеканка — хоть на выставку!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24 — 27.

Капитан переводит.

— Скотина! — мрачно изрекает лейтенант.— Вонючий ублюдок! Он врал, что вещи из Версаля!

— В лагере его отучат...

— А наши деньги?

— Это я беру на себя... Сядьте рядом с Дюраном, Дюпле!

Жюль тяжело плюхается на стул. Шепчет: «Ты понял?» Жак-Анри прищуривает глаз: молчи!.. Большие жулики уличили маленького, пытавшегося надуть их; сейчас, очевидно, последует возмездие.

Капитан выпячивает щуплую грудь. Достает бумажник, а из него — две бумажки по сто франков. Спрашивает:

— Кто из вас разбирается в живописи? Вы или вы?

— Сожалею,— говорит Жак-Анри.

— Мое дело бронза,— ворчит Жюль.

— Хорошо. Получите и можете идти.

Полицейских в коридоре нет, и Жюль дает выход возмущению.

— Хоть бы извинились!

— Уймись, старина!..

Жюль умолкает — они как раз входят в дежурку, на минуту погружаясь, как в омут, в плотную вонь и шум. Сержант за загородкой отрывается от журнала и бурчит ажану у дверей:

— Пропустите, капрал.

Жак-Анри ногой толкает дверь и выходит на лестницу... Жизнь... Очень хочется жить. Дышать воздухом, ходить по улицам, пить кофе или вино, разговаривать с друзьями, спать, просыпаться, работать, петь, молчать... Нет, только не молчать. Нельзя быть угрюмым.

Жак-Анри ускоряет шаг и думает сразу о многом. Почему хозяин не предупредил? Раньше их с Жюлем разобрался что к чему? Возможно... Но все-таки надо раз и навсегда договориться, что сигнал об опасности будет звучать при появлении полицейских или немцев... В любом случае... Не всегда представится возможность безнаказанно избавиться от сигареты с запиской. И еще: надо пореже бывать в магазине всем вместе.

— Ты что, старина? — спрашивает Жюль.— Разговариваешь вслух. Что «решено»?

Жак-Анри объясняет.

— Мне это тоже не по душе,— говорит Жюль.— Общая крыша хороша для любовников, но не для нас с тобой.

— Лучшей не предвидится.

— Я, пожалуй, уйду из магазина.

— Новые документы и новая легенда — легче сказать, чем сделать!

У автобусной остановки Жюль прощается. В 13.30 — сеанс радиосвязи, а до бульвара дю Шато еще ехать и ехать: там нет станции метрополитена. Техник должен к этому времени взять из «почтового ящика» вчерашние шифровки и передать их радисту... А у Жака-Анри — свободные тридцать минут. На полдень назначено свидание с информатором — сотрудником штаба Штюльпнагеля.

15.Октябрь, 1943. Париж, Булонский лес.

Двухэтажный особнячок в Булонском лесу, занятый Рейнике под штаб, постепенно обретает обжитой вид. В кабинет бригаденфюрера поставили мягкую мебель, в комнаты офицеров — светлые шведские бюро и кресла. Каждое утро в вазах меняют цветы. Гаузнер осыпает их сигарным пеплом и топит в воде окурки — по рассеянности. Рейнике пробовал ему выговаривать, убеждал, что цветы — это прекрасно, комиссар соглашался и делал по-своему, и в конце концов все с этим примирились. Но не Мейснер! Злая шутка лейтенанта о козле, путающем розы с капустой, вышла за пределы особнячка, растеклась по всем отделам гестапо и, обогащенная, вернулась, достигнув ушей Гаузнера. В наказание комиссар засадил лейтенанта за канцелярскую работу — поручил ему переписку с концлагерями. Мейснер при удобном случае пожаловался Рейнике, подчеркнув, что числится в штабе офицером по связи с абвером, но сочувствия не встретил. Бригаденфюрер поставил его «смирно» и, заключая разнос, добавил, что если служебная необходимость и интересы рейха потребуют, то он пошлет Мейснера возить золото — не ювелирное, разумеется.



Все же разнос Рейнике был менее обиден, чем обязанности, возложенные на лейтенанта комиссаром Гаузнером. Составить запросы по списку, проследить за их отправкой, получить ответы, подшить, зарегистрировать, завести на каждую бумагу учетную карточку... Гаузнер передал ему список — двести сорок три фамилии людей, задержанных в облавах и по разным причинам оказавшихся в концентрационных лагерях. Предупредил:

— На каждом запросе поставьте «Срочно!» и, если в течение недели ответа не будет, докладывайте мне.

— На это нужен год!

— Через пятнадцать суток извольте все закончить.

Скрипучий голос комиссара пилил перепонки, как ножовка. Мейснер со злостью подумал, что на две недели будет оторван от всего, в том числе и от той, кто называет его «Пуппи» и превозносит его мужские достоинства.

Однако постепенно все наладилось, и Мейснер по вечерам находит часок-другой, чтобы навестить свою толстушку и, облачившись в пижаму, отдохнуть от папок с бумагами. Толстушка считает его ужасно важной персоной и довольствуется даже не рейхсмарками, а франками и бельем. После часов, проведенных у нее, глаза у лейтенанта слипаются.

Сейчас он тоже почти спит, балансирует на хрупкой жердочке, соединяющей бодрствование и сон. Совещание у Рейнике только что началось и продлится долго. Мейснер предусмотрительно забрался в уголок, за широкую спину Шустера и укрылся за ней.

Рейнике не Цицерон, но говорить любит. Сначала — общие задачи, потом — узкие, поставленные конкретно перед штабом... Как минимум полчаса, которые Мейснер может использовать для отдыха.

— Прошу внимания!..

Мейснер давится зевотой и выпрямляется.

— Комиссар Гаузнер, майор Шустер, кто доложит о ПТЦ?

— Только не я! — говорит Гаузнер.

— Послушаем вас, майор?

Шустер встает и пальцами, заложенными за ремень, расправляет складки мундира. Китель сидит на нем, как на манекене, и Мейснер прикидывает, во сколько обойдется работа, если обратиться к портному с улицы Вожирар. Пожалуй, нет смысла: сдерет больше, чем стоит материал.

— Русская ПТЦ запеленгована в среду между 17.08 и 18.13,— говорит Шустер и достает из планшета лист бумаги.— Не скрою, мы взяли ее случайно: икс-два «чистил» диапазон и наткнулся на нее в самом начале сеанса.

Рейнике стучит карандашом.

— Кто на икс-два?

— Фельдфебель Родэ и ефрейтор Мильман.

— Хороший экипаж,— подает голос Гаузнер.

— Тем лучше! — Рейнике снова стучит карандашом, словно оттеняя слова комиссара.— Прошу продолжать, майор!

— Да, бригаденфюрер... Икс-два патрулировал в районе Пантеона, а ПТЦ вела передачу в квадрате рю Сен-Жак — рю дез'Эколь — Суффло — Пантеон. Это, признаться, нас смутило: в кварталах почти нет частных владений, сплошь школы и лицеи — Коллеж де Франс, лицей Луи...

— Добавьте: библиотека святой Женевьевы,— вмешивается Гаузнер.

— Кто-нибудь один! — говорит Рейнике.— Что вас смутило?

— Нелегальная рация в служебном здании — это что-то исключительное.

— Но ПТЦ не в служебном?

— Нет, бригаденфюрер. Я имел честь доложить вам, где мы ее засекли: отдельный павильон возле библиотеки, раньше там жил какой-то еврей, а теперь его снимает адвокат из Орлеана — квартира для парижских любовниц.

— Об этом доложит комиссар Гаузнер! Продолжайте, майор, мы слушаем вас.

— Рация работала ровно пятнадцать минут, и икс-два слышал ее отлично. Я распорядился не лезть к павильону и после сеанса покинуть район.

— Был один сеанс?

— Да, бригаденфюрер. У них какая-то система, по которой рации хаотически выходят в эфир. Наткнуться на ПТЦ вновь можно через год или через день — как повезет. Позволю отметить другое — важно, что павильон используется под радиоквартиру и радист придет туда рано или поздно.

Мейснер уже не дремлет. Оказывается, пока он прел за бумажками и утешался у толстушки, Шустер добрался до русских. Мимолетный шанс, обходивший Мейснера, кажется, теперь сам падает в руки — надо только подставить их и не растопыривать пальцы. Офицер по связи с абвером имеет преимущество перед любым иным членом штаба и вправе требовать, чтобы его включили в группу, занимающуюся ПТЦ.

Шустер с хрустом раскрывает планшет.

— Бригаденфюрер позволит?

— Прошу,— говорит Рейнике и карандашом грозит Гаузнеру, гулко вздыхающему из глубины кресла.

— Мильман и Родэ с ранцевыми гониометрами будут посменно нести дежурство у павильона. Комиссар Гаузнер обещал так их одеть и перекрасить, что не узнает и родня. Словом, мы беремся поймать ПТЦ за работой.

— У вас все?.. Отлично! Ваше мнение, комиссар?

Гаузнер с шумом затягивается сигаретой. Не поднимаясь и собрав складки на лбу, говорит, адресуясь к собственному ботинку, и заставляет Мейснера напрягать слух до предела.

— Была мысль взяться за адвоката и заставить его выложить все начистоту. Очень дельная мысль, принадлежащая бригаденфюреру. Однако осуществить ее оказалось не просто: законник еще летом удрал в Испанию.

— А павильон? — вмешивается Мейснер, подметив, как сдвинулись морщины на лбу Рейнике.

— Арендная плата внесена по январь сорок шестого, и сделка оформлена у нотариуса. Через представителей, конечно, поскольку еврей, в свою очередь, улизнул еще до падения Мажино... Наблюдение за павильоном установлено, но я не беру на себя смелость утверждать, что через оцепление нельзя проскочить. Там есть садик, и он как раз связывает павильон и библиотеку: днем, смешавшись с толпой, радист, пожалуй, без помех доберется до места и его не отличишь от гуляющих. Другое дело — дорога назад: тут ему крышка!

Мейснер едва глотает вопрос, вертящийся у него на языке: известно ли о ПТЦ Бергеру? Неужели Рейнике не позвонил в Штутгарт, как не позвонил шефу абвера полковнику Райле, полноправно представляющему в Париже самого Канариса! Не слишком ли много берет на себя бригаденфюрер?

Гаузнер, закончив, выпускает широкое кольцо дыма, опрятно стряхивает пепел с лоснящихся от долгой носки форменных брюк.

— Будем брать радиста? — негромко говорит Рейнике и опускает карандаш.— Или нет? Что скажет абвер?

Мейснер на лету схватывает все — желаемый ответ, настроение Рейнике, личные перспективы.

— Радиста надо брать! Взяв его, получим шифр и явки. В крайнем случае «почтовые ящики». На первый взгляд мало, но прикинем иначе и убедимся — достаточно, чтобы на известный срок если не парализовать резидентуру, то нарушить ее звенья и связи. Кроме того, на допросе удастся, по-моему, добыть данные, наводящие на резидента...

— Прошу вас информировать полковника Райле.

— И Бергера? — осторожно подсказывает Мейснер.

Рейнике пренебрежительно машет рукой.

— Всему свое время... Господа, предвидя возможные трудности, я доложил о ПТЦ обергруппенфюреру Кальтенбруннеру. Все без утайки. Мне поручено сообщить вам, что в РСХА придают поимке радиста принципиальное значение. Хочет или нет комиссар Гаузнер, но ему придется на этот раз развязать радисту язык. Хочет или нет майор Шустер, но ему не удастся сослаться на случайность, если гониометры почему-либо не засекут рацию. И, наконец, хочет или нет полковник Райле, но весь аппарат абвера будет работать в тесном единстве с СД!

Голос Рейнике напрягается, становится резким.

— Боевой приказ, господа! Прошу встать! Зачитываю: операцию по аресту радиста возглавляет старший правительственный советник Гаузнер, которому надлежит в суточный срок представить бригаденфюреру Рейнике свои соображения по этому поводу. Второе: майор Шустер обеспечивает выполнение задания средствами радиоабвера. Третье: лейтенант Мейснер осуществляет связь абвера и штаба бригаденфюрера Рейнике и состоит при последнем для особых поручений... Поздравляю с началом операции, господа!

Рейнике складывает пополам лист плотной бумаги и прячет его в нагрудный карман. Говорит значительно мягче, с обыденной интонацией:

— Хочу надеяться, коллеги, что вы не дадите мне повода разочароваться в ваших способностях. Это и к вам относится, коллега Гаузнер. Чем вы, собственно, занимаетесь последние дни?

— Все тем же.

Гаузнер недовольно попыхивает заметно укоротившейся сигарой. Кончиком языка подклеивает отошедший листик табака. Он так занят этим, что не поднимает глаз на бригаденфюрера.

— Фридрих! — повышает голос Рейнике.— Да бросьте же сигару, черт возьми! Чем бы вы ни занимались, отложите все и переключитесь на радиста.

— Я уже слышал, бригаденфюрер.

— Радист за вами!

— Почему не два?

— Два?

Гаузнер тяжело прищуривает глаз.

— Второго я, кажется, скоро вам подарю. Это будет моим презентом рейхсфюреру Гиммлеру. Я обожаю сюрпризы, бригаденфюрер!

16. Ноябрь, 1943.
Берлин, Мангеймерштрассе-Викингенуфер, 4.

Однодневный отпуск — дар небес и адмирала Фридриха Вильгельма Канариса. Еще в Штутгарте Бергер кроил и перекраивал планы, продумывая, как ими распорядиться. Эмми и Лизель вызваны в Берлин, и, значит, два часа уйдут на зоосад — Эмми обязательно захочет покормить бурых медведей и посмотреть на жирафа.

Фон Бентивеньи, сообщая об отпуске, сказал, что являться на Тирпицуфер не надо, служебных разговоров не будет, но в конце, как бы между прочим, порекомендовал остановиться не в отеле, а в офицерской гостинице на Мангеймерштрассе.

Эмми и Лизель обосновались в гостинице на сутки раньше Бергера. Номер им дали маленький, скромно обставленный, но кормили отлично, без карточек, и Лизель пожаловалась, что Эмми за обедом объелась тушеными овощами со свининой. Бергер слушал и блаженствовал. Эмми сидела у него на колене и сосала шоколад. Она выросла и стала серьезной; Лизель обрядила ее в зеленую рубашку и юбочку, похожие на форму юнгфольк, и Бергер подумал, что с женой надо будет поговорить: станет ли дочь художницей — это, конечно, вопрос, но совершенно незачем так рано приучать ее к казарменным нарядам. Желтый заяц ребенку нужнее, чем погоны...

Бергер приехал поздним вечером, и Лизель еле оторвала от него Эмми, возбужденную встречей и шоколадом.

— Ты будешь умненькой, а утром пойдем в зоосад, хочешь? — утешал Бергер дочь, когда Лизель уводила ее из номера Бергера.

— А ты не уедешь в Африку? И тебя не съест крокодил?

Эмми заснула с трудом, и Лизель только после полуночи пришла к Бергеру. И лишь через несколько часов, уже утром, вспомнила эти слова дочери:

— Эмми нафантазировала, что ты в Африке и охотишься на тигров.

— Так оно и есть. Только тигры не водятся в Африке — надо ей объяснить... Кстати, Лизель, зачем ты наряжаешь ее, как солдата?

— Ну знаешь!.. Не ждала от тебя, именно от тебя! Полковник Бергер разочаровался в форме?

— Не то! Лизель, у детей в наши дни почти нет детства. Я разучился говорить на такие темы, но ты постарайся понять. Куда ни глянешь — погоны, мундиры, кинжалы. Напра-во, нале-во! Ну ладно, мальчики — куда ни шло. Но девочки?

— Юстус! И это говоришь ты? Рейхсминистр Геббельс пишет, что мы растим новый тип женщин-воительниц, не боящихся боли и крови.

Ссора получилась затяжной, и они опоздали к завтраку.

Лизель выводит Эмми в коротком шерстяном платьице и с белым бантом в волосах. «Ах ты, мартышка!..— думает Бергер.— Ничего, скоро все кончится, и я сам займусь твоим воспитанием. Будем ходить в зоосад, в лес, купаться, играть. Ты у меня богатая невеста, Эмми, я позаботился о тебе: сегодня подарю свои двухлетние накопления.

— Господин полковник Бергер?

— Да,— говорит Бергер и смотрит на лакея.

— Господина полковника просят к телефону.

Лизель, оттопырив мизинец, ставит чашку на стол. Тонкие подведенные брови изгибаются в дугу.

— Кто-нибудь из друзей,— спокойно говорит Бергер и, расправив салфетку, вкладывает ее в мельхиоровое кольцо.— Жираф нас ждет, Эмми!

Собственно, он так и думал: однодневный отпуск и свидание с семьей — всего лишь «крыша», понадобившаяся фон Бентивеньи, чтобы без помех поговорить в Берлине. Черт бы его побрал, господина генерала Бентивеньи! Мало отца — в игру включают дочь и жену!..

Бергер вынимает салфетку из кольца. Заправляет угол за воротник и говорит лакею холодно и жестко:

— Меня нет!

— Как будет угодно господину полковнику.

Лакей быстро, на негнущихся ногах идет к двери — старый служака, фельдфебель или вахмистр, привыкший повиноваться приказу. В этой гостинице все имеют отношение к армии, даже горничные числятся во вспомогательных частях.

Доев яичницу, Бергер встает. Лизель подставляет ему лоб для поцелуя, а Эмми скачет на одной ноге.

— Спасибо, дорогая,— говорит Бергер, как будто они завтракали дома.— Эмми, иди одевайся!

— Ах, Юстус! — вздыхает Лизель и смотрит на него снизу вверх.

«Все-таки она любит меня,— думает Бергер,— не так, как прежде, но любит».

Кончиком трости Бергер касается дверной ручки, и в этот миг в дверь стучат — судьба как будто рассчитала, когда он оденется и будет совершенно готов. Не удивляясь, Бергер открывает лакею и, выслушав его, говорит:

— Вы не могли бы не застать меня?

— Я ответил, что господин полковник у себя.

— Хорошо. Повторите адрес.

— Калишерштрассе. С задней стороны крематория.

— Зайдите к моим и скажите, чтобы жена повела Эмми в зоосад. Я постараюсь приехать туда позже.

Как есть — в пальто и шляпе — Бергер садится на кровать. Легко вообразить, что будет с Эмми, когда вместо отца явился лакей в белом пиджаке и отвисших на заднице портках... Может быть, жираф утешит ее... Но кто утешит Бергера?.. Проклятая работа!

Знакомый майор из абвера-III ждет, как и передал лакей, возле машины на Калишерштрассе.

ФУТБОЛ НАШИХ ДНЕЙ

Лев ФИЛАТОВ



Мюнхен, 7 июля. Момент финальной игры сборных ФРГ — Голландия. Слева направо: Майер, Брайтнер (ФРГ), Неескенс (Голландия) и Бонхоф (ФРГ).

Телефото АП — ТАСС.

Четыре года назад, после Мексиканского чемпионата, мы остались под впечатлением мастерства бразильцев, которых возглавлял необыкновенный Пеле. Они были вне конкуренции. Их игра выглядела едва ли достижимым образцом. Сегодня вполне очевидно, что основные игровые принципы, которыми руководствовались бразильцы, не только повторены, но и развиты другими командами.

Это особенно отчетливо проглядывалось в матчах с участием бразильцев. На их стороне было неослабевающее техническое совершенство, магия титулов, которые заставляли противников проявлять к ним полное почтение, мастерство «звезд», уже давно известных и впервые засверкавших. Однако всего этого оказалось мало для убедительной игры. Выразимся точнее: бразильцы на этот раз играли примитивно, неинтересно, для них забить гол было мучительно сложно и трудно. Они пренебрегли скоростью, отступив тем самым от одной из главнейших заповедей футбола наших дней, за что и были наказаны.

Самым показательным был матч Бразилия — Голландия. Бразильцы вложили в борьбу все, что имели, победа ведь выводила их в финал. Но имели они недостаточно и свою досаду сорвали на противнике, прибегнув к бесцеремонной грубости и тем самым расписавшись в собственной слабости.

Справедливо, что именно голландским футболистам пришлось развенчивать бразильцев. Матч стал сопоставлением футбола, которого коснулась косность, и футбола молодого, за которым будущее. Голландцы показали игру, получившую наименование «тотальная». Это означает, что 10 игроков, действующих на поле, в той или иной мере принимают участие как в обороне, так и в атаке. Такая игра требует разностороннего мастерства, прекрасной физической подготовки и ясной ориентировки на поле. Голландцы все эти достоинства обнаружили в полной мере, получив широкое признание. Заметим, что сборная этой страны своим взлетом целиком обязана двум сильным клубам — «Аяксу» и «Феенорду».

Другой сенсацией чемпионата стала польская сборная. Правда, она слишком горячо начала и заключительные матчи проводила с налетом усталости. Но это легко объяснимо: сказывалось отсутствие опыта участия в чемпионатах мира. В целом же поляки показали игру смелую, наступательную, в каждом своем матче они стремились к победе, им были чужды соображения вроде того, что «ничья нас вполне устраивает».

Эти две команды — Голландии и Польши, и тем, что они сделались призерами, и тем, что стали законодателями футбольной моды, потеснив многих фаворитов прежних лет, доказали лишний раз, как щедро поощряются в спорте дерзания. Свежесть, молодость, сюрпризность придали чемпионату эти две сборные.

Чемпионом мира стала команда, которую давно и дружно прочили на эту «должность». В этом прогнозе, конечно, учитывалось, что хозяева поля всегда выступают наиболее удачно. В данном же случае эта общая закономерность относилась не к кому-либо, а к чемпионам Европы. И все-таки перед последним матчем в отличие от предыдущего мексиканского финала, когда никто не сомневался, что бразильцы одолеют итальянцев, полной ясности не было — уж очень сильное впечатление оставила игра голландцев.

Одна местная газета накануне финала дала забавный аншлаг: «За голландцев — все специалисты, за наших — публика». Финальный матч был чрезвычайно интересным, хотя, может быть, внешне его красивым и не назовешь. Он был полон скрытой внутренней борьбы, как бывает в тех случаях, когда силы сторон примерно равны.

Голландцы уже на 56-й секунде получили право на пенальти и повели в счете. Но этим рано добытым преимуществом они не знали, как распорядиться, медлили, а их противники тем временем пришли в себя и также с пенальти сквитали гол. А потом этот необыкновенный бомбардир Мюллер забил свой гол, оказавшийся решающим. Впервые на чемпионате голландцы оказались в положении отыгрывающейся стороны. Правда, они создали два-три острых момента, но оказалось, что хладнокровия им все же недостает. Они поддались спешке и сбились на элементарный навал, чего прежде за ними не наблюдалось.

Исход финала, разумеется, был важен для его участников, но не для оценки футбола. Оба финалиста в ходе матча блеснули игрой, которую нельзя не рассматривать как ориентир на ближайшее будущее.

В поездке по городам ФРГ я был вместе с группой наших ведущих тренеров и педагогов, проводящих исследовательскую работу в области футбола. Как водится, после каждого матча у нас вспыхивали горячие дискуссии. А потом наступал момент, когда кто-то со вздохом произносил выразительно: «М-да...» — и все понимали, что это междометие относилось к положению дел в нашем футболе.

Что же стало очевидно? Сравнение с первым и вторым призерами чемпионата мира позволяет без риска ошибиться утверждать, что наши футболисты существенно уступают в объеме работы, в скоростной технике, в умении сыграть одинаково квалифицированно на разных участках поля. Особенно тревожно, что у наших специалистов нет единства в оценке современного футбола, что некоторые из них не чувствуют новых веяний, находятся под гипнозом потертых тактических схем, тогда как лучшим командам мира сейчас свойственно свободное исполнение этих самых схем, основанное на взаимозаменяемости футболистов, на их равном участии в решении любых игровых задач. У нас до сих пор ведутся дискуссии на тему о том, готовить ли футболиста на строго определенное место или он должен осваивать «смежные специальности». Пока идет эта скучная умозрительная тяжба, призеры чемпионата мира не двусмысленно доказали, что сейчас необходим и высоко ценится мастер разностороннего профиля.

Турнир, как и всегда, вылился в праздник, о котором было бы приятно писать, но для нас, не слишком-то довольных положением вещей в собственном футболе, чемпионат мира более всего ценен тем, что дает ясное представление о хорошем футболе наших дней. Поэтому я и остановился в этой корреспонденции прежде всего на деловой стороне увиденного на стадионах ФРГ.

Мюнхен (по телефону).

— С приездом, господин полковник. Позвольте сказать, что вы хорошо выглядите.

— Кому я понадобился?

— Понятия не имею.

— Ах, так! — говорит Бергер с любезной улыбкой.

У абвера в Берлине немало конспиративных квартир. Та, куда майор привозит Бергера, ему незнакома. Большой, угрюмый дом на Викингенуфер — в том месте, где Шпрее начинает загибать полупетлю. Второй этаж дома украшен выступающими фонарями; на лестнице, продетая под бронзовые прутья, положена дорожка с белыми полосами по краям. Внизу швейцар принимает у Бергера шляпу, перчатки и трость, а другой, с выправкой младшего офицера, помогает снять пальто.

— Вам назначено?

— Да, я звонил, и хирург пригласил меня на десять десять.

Сейчас на часах 10.50, и пароль звучит довольно нелепо, но ни Бергер, ни офицеры не улыбаются.

Перед дверью квартиры Бергер оправляет пиджак. Нажимает кнопку и говорит горничной:

— Доложите, что Тэдди просит принять.

Он ждет не дольше минуты: горничная возвращается и ведет его — вправо, затем налево, через две просторные, светлые комнаты в третью, тоже светлую, квадратную,— навстречу протянутой руке генерала фон Бентивеньи.

Бергер официально вытягивается. Пусть генерал почувствует, что поступил некорректно, прикрывая деловой вызов свиданием с семьей.

— Сигару, вино, кофе?

— Ни то, ни другое, ни третье, господин генерал. Сутки отпуска — всего лишь сутки, жаль каждую минуту.

Бентивеньи близоруко щурится.

— Это не моя идея.

— Чья бы ни была, но все-таки можно было вспомнить, что за последние три года я провел с семьей не больше недели.

Бентивеньи проглатывает упрек. В абвере он славится умением ладить со всеми, в том числе и с нижестоящими, за что заработал прозвище «Санта-Клаус»... Бергер демонстративно смотрит на часы.

— Я бы хотел, господин генерал, успеть к семье!

— Благодарите за этот вызов Рейнике!

— Опять донес на меня?

— Не то. Он запеленговал в Париже радиста и известил Кальтенбруннера. Никогда бы не подумал, что его доклад получит такой резонанс, но...

— Я должен ехать в Париж? — говорит Бергер.

Фон Бентивеньи поднимает руку.

— Нет. Это было бы некстати. Пусть Рейнике сам ест свое варево. Мы проанализировали материалы и считаем, что в Париже работает все-таки Легран. Райле сейчас проверяет комиссионные фирмы — собственными силами, без СД. Может, нащупает что-нибудь, а может быть, и нет — я лично не думаю, чтобы Легран использовал один и тот же метод дважды...

— Почему? Есть правило парадоксов.

— В теории — да... Но мы — о радисте. Пусть Рейнике ищет его, пусть раздувает свои успехи — это нам на руку. В тот день и час, когда он вынужден будет признать, что не сумел через радиста выйти на резидента, вы, полковник Бергер, прибудете в Берлин и доложите руководству абвера, что женевская операция доведена до благополучного завершения. Адмирал принял ваше предложение: любую сумму Ширвиндту в любой валюте. Счета — в Лозанне, Женеве и Цюрихе.

— Или?..

— Или ликвидация Ширвиндта. Аккуратно, без шума и следов.

Бергеру не надо и минуты, чтобы обдумать и взвесить. Про себя он давно уже все решил, и Бентивеньи сейчас не предложил ничего нового.

— Я готов, генерал!

— Спасибо, Юстус!

— За что же, генерал? За то, что я выполню долг?

— Не понимаю,— с легкой досадой говорит Бентивеньи.— Зачем вы бравируете?

Бергер с ледяным выражением вытягивается, как в строю.

— Господин генерал назвал меня Юстусом и тем самым дал возможность и право пренебречь субординацией. Итак, Франц, отвечу: я не бравирую, а служу империи и идее! Поэтому извольте или извиниться, или же я напомню вам о правиле, по которому офицер, оскорбивший офицера, несет ответственность за свои слова.

Тишина повисает в комнате.

— Да,— говорит Бентивеньи и медленно протягивает руку.— Я не прав. Извините, полковник, и — забудем?

Он пожимает руку Бергера — долго, с чувством: Санта-Клаус, раздавший подарки и преисполненный умиления от собственного благородства... Бергер, перескакивая через ступеньки, сбегает вниз. Выхватывает из рук швейцара пальто, кашне, шляпу. На его часах — без нескольких минут одиннадцать, и если не задерживаться, то он успеет полюбоваться жирафом.

Продолжение следует.

ОБРАЩАЯСЬ К РОВЕСНИКАМ

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.



Сцена из спектакля.

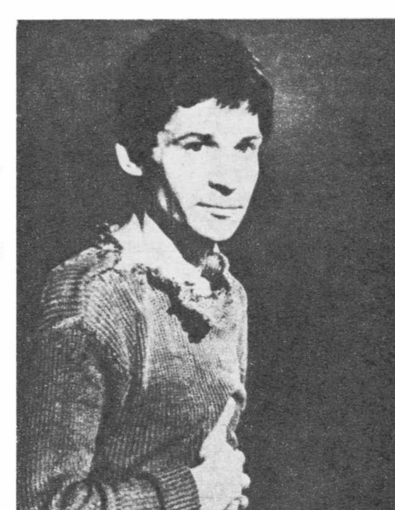


Народная артистка СССР В. Сперантова — бабушка Вера.



И. Муравьева — Любовь Шевцова, И. Воронов — Клер.

Г. Печников в роли Андрея Валько и А. Бордуков — Олег Кошевой.





И. Негода — Сергей Тюленин.

Конец... Они погибли. На наших глазах...

Но когда зал замер, оцепенел, потрясенный увиденным, вновь появляются они в глубине сцены и медленно приближаются к зрителям... «А вы оставайтесь живыми...» — звучит песня молодогвардейцев, их вера в прекрасное завтра, их напутствие ровесникам, потомкам. Да, прежде всего ровесникам, заполнившим зал, таким же семнадцатилетним адресован спектакль «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева на сцене Центрального детского театра.

В постановке П. Хомского (пьеса написана А. Алексиным) мы встречаемся с героями романа как бы заново. И дело тут не в каком-либо «новом прочтении» — просто такова особенность театра: кажется, давно знакомые, полюбившиеся всем образы — Олег Кошевой, Иван Земнухов, Любовь Шевцова — на сцене оживают, и мы быстро забываем о том, что перед нами актеры, а не сами герои.

Спокойный, уравновешенный, а в то же время неистовый Олег Кошевой в исполнении А. Бордукова; задиристая и вроде бы легкомысленная Любка И. Муравьевой; озорной, бесшабашный Тюленин И. Негоды; тихая, скромная Иванцова Л. Гниловой; строгая и сдержанная Ульяна Громова — Л. Гребенщикова... Как несхожи они меж собой, как молоды и на первый взгляд даже беззащитны, но как едины в борьбе против зла, несправедливости, фашизма...

Неспешно развивается действие. Медлит с расправой фашист Клер (эту роль исполняет народный артист РСФСР И. Воронов): он считает, что очень хорошо разбирается в психологии «русских», и ему хочется понять, в чем же сила этих, как он говорит, «детей», что заставляет их идти на смерть, откуда их ненависть и их мужество... Цитируя русских классиков, русские поговорки, Клер куражится, иронизирует, а потом, теряя терпение, сознает в бессильной ярости, что наткнулся на преграду: разрушить ее не удастся... Так же, как не удастся ему и понять молодогвардейцев.

По замыслу постановщиков, фашистский фельдкомендант присутствует в спектакле от начала до конца. Снова и снова вызывает он ребят на допрос. Но мальчишки и девчонки молчат, в то же время мысленно, в воспоминаниях своих, отвечая на эти вопросы, но не Клеру, а нам, зрителям. Нам они верят, с нами делятся самым сокровенным! Мы, и только мы, видим, как возникала, как создавалась «Молодая гвардия», крепла, выражая волю народа...

Рассказывая о спектакле, нельзя не упомянуть о музыке, о песнях, написанных композитором О. Фельцманом и поэтом Р. Рождественским. Они сообщают и актерам и зрительному залу особый настрой: в этой музыке звучит любовь, и призыв к борьбе, и вера в людей — множество оттенков, подчеркивающих в спектакле тему юности и бессмертия героев.



В ГОСТ

Далеко за пределы республики разнеслась слава литовских писателей и поэтов, певцов и танцоров; волшебников-ювелиров, превращающих прибалтийский янтарь в чудесные сувениры и украшения. Известно искусство литовского витража, причудливо отражающего и небо, и солнце, и звезды в сплетениях разноцветных стекол... Это лишь малая часть того, чем славится Советская Литва.

В Дни литературы и искусства Литовской ССР, проходившие в в городах и селах Российской Федерации, площади и улицы старинных русских городов Свердловска, Воронежа, Горького, Ульяновска были ярко расцвечены афишами, плакатами и транспарантами, возвещающими о приезде желанных гостей.

Торжественно открылся этот праздник в Москве на сцене Кремлевского Дворца съездов. Со словами привета и благодарности обратился к москвичам прославленный поэт Литвы, лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис, который взволнованно говорил о дружбе наших народов, о великой роли Коммунистической пар-





Кремлевский Дворец съездов. Участники концерта приветствуют зрителей.

Фото Г. Копосова.

ЯХ У РОССИИ

тии, сплотившей в одну братскую семью многонациональный Союз Советских Социалистических Республик.

В канун знаменательной даты — тридцатилетия освобождения Советской Литвы от фашистских захватчиков — приехали литовцы к русским друзьям.

В зале Кремлевского Дворца с огромным подъемом прозвучали слова «Тебе, Москва, Литва приносит песню, и в ней — частицу сердца своего!» из песни «Приветствие Москве». В большом концерте выступили прекрасные литовские артисты В. Норейка, Э. Канява, В. Даунорас, Н. Амбразайтите, искусство которых знают теперь и в нашей стране и далеко за ее рубежами. Народный артист ЛССР Донатас Банионис, хорошо известный зрителям по кинематографу, вдохновенно читал стихи, прозвучавшие гимном любви и дружбы между людьми.

Кроме профессиональных артистов и музыкантов, в Днях литературы и искусства Литвы в РСФСР принимали участие самодеятельные коллективы. Объединенная сельская капелла Тракайского, Алитусского, Капсукского районов представила лучшие силы очень популярных ансамблей «Гальве», «Дзукия» и других.

В павильоне «Советская печать» на ВДНХ открылась выставка книг Литовской ССР, а на концертных эстрадах выступали ансамбли художественной самодеятельности.

Литовские художники участвовали в церемонии торжественного открытия памятника И. Е. Репину в Вышневолоцком районе, Калининской области, где отмечалось 130-летие со дня рождения великого русского живописца.

Молодой литовский кинематограф успел завоевать любовь зрителей: в кинотеатре «Зарядье» с успехом прошел на экране фестиваль литовского кино.

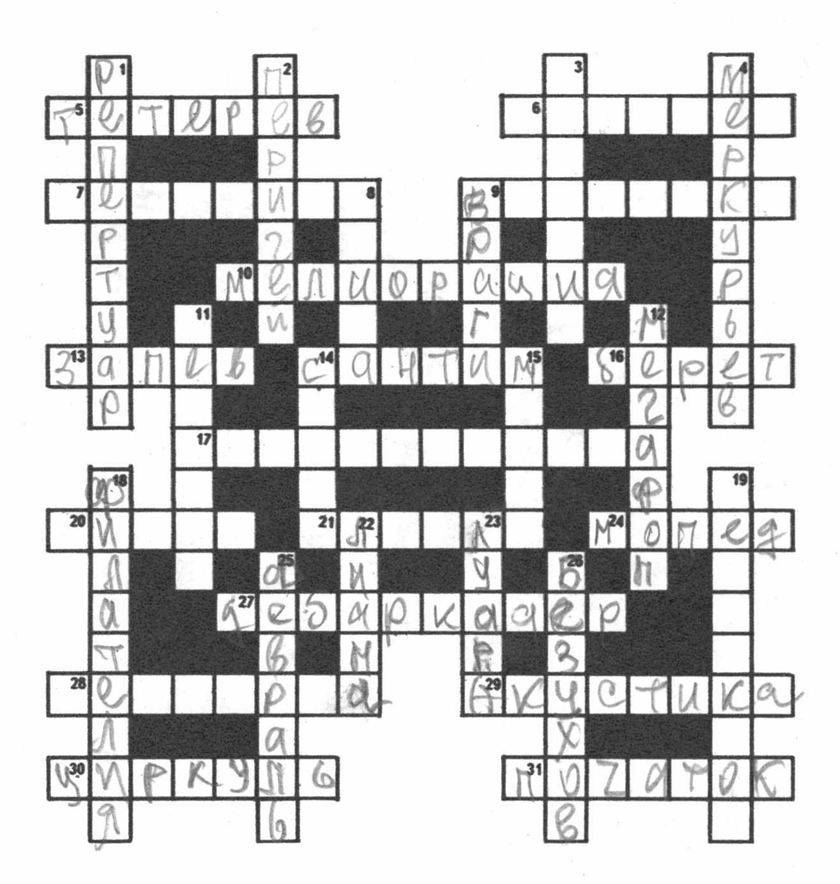
В эти дни на концертах, в кинотеатрах, на выставках, просто на улицах постоянно возникали веселые, оживленные разговоры, люди обменивались сувенирами, адресами для продолжения знакомства...

В большой праздник, в яркую демонстрацию дружбы превратились Дни искусства и литературы Литовской ССР.

Н. ЗЫБИНА

Выступает народный ансамбль песни и танца «Летува».





КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Лесная птица. 6. Английский физик, создатель учения об электромагнитном поле. 7. Приток Днепра. 9. Картина П. А. Федотова. 10. Улучшение природных условий почв. 13. Начало хоровой песни. 14. Мелкая французская монета. 16. Головной убор. 17. Комедия И. С. Тургенева. 20. Древнегреческий скульптор. 21. Озеро в Мексике. 24. Легкий мотоцикл. 27. Плавучая пристань. 28. Бальный танец. 29. Наука о звуке. 30. Чертежный инструмент. 31. Соцветие кукурузы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Подбор пьес, исполняемых в театре. 2. Ближайшая к Земле точка орбиты Луны. 3. Продукт перегонки нефти. 4. Актер, играющий в кинокомедии «Верные друзья». 8. Залив Охотского моря. 9. Пьеса М. Горького. 11. Город в ГДР. 12. Приспособление для усиления человеческого голоса. 14. Водное млекопитающее. 15. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 18. Коллекционирование марок. 19. Тип телескопа. 22. Тропическое растение. 23. Река во Франции. 25. Месяц года. 26. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Краснодар. 5. Крокет. 6. Ураган. 8. «Либерал». 10. Пачка. 13. Грамм. 16. Райский. 19. Амазонка. 20. Каватина. 21. Капуста. 22. Халва. 24. Галоп. 26. Эрмитаж. 31. Славка. 32. Физика. 33. Каравелла.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Качели. 2. Одарка. 3. «Клоп». 4. Рига. 5. Ключ. 7. Нива. 9. Ессентуки. 11. «Ариадна». 12. Королев. 14. Ромашка. 15. Монисто. 17. Асама. 18. Иркут. 23. Люкс. 25. Липа. 27. Рекорд. 28. Ариэль. 29. Банк. 30. Зима.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Их зовут дороги... (см. в номере репортаж из ленинградской школы № 18).

Фото Н. Ананьева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кадры из фильмов А. Л. Птушко «Илья Муромец», «Садко», «Руслан и Людмила».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04 Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/VI — 74 г. А 00586. Подп. к печ. 9/VII — 74 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1462. Тираж 2 105 000 экз. Заказ № 2417.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.



Фото А. БОЧИНИНА.

Перед заключительным концертом.

ДОБРОГО ПУТИ, МУЗЫКА!

— Конечно, необычайно широкое творческое соревнование молодых талантов было большим событием. Современный музыкальный мир прислушивался к нему тем более заинтересованно и ревниво, что на земле не осталось континента, чья музыкально-исполнительская школа не была бы представлена на V Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве своими питомцами...

Право устраивать у себя творческие смотры нового поколения музыкантов мира — право почетное. И его, бесспорно, заслужила Москва, столица большой, демократической по духу музыкальной культуры,— так говорил, беседуя с нами, Арвид Янсон, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР. — Давно уже наша страна,— продолжал маститый музыкант, дирижер, — стала центром современного музыкального мира. И я уверен, что очередной, VI Международный конкурс имени Чайковского, когда он соберет своих участников, снова станет стимулом развития исполнительского мастерства для всех музыкальных школ. И, значит, снова принесет огромную пользу прогрессу музыки!.. В заключение же хочу от всей души пожелать, чтобы родное мне музыкальное искусство при всех его конкурсных успехах и победах еще глубже проникало в сознание идущих в жизнь поколений, чтобы музыка еще увереннее становилась одним из средств строительства нового общества!.. Я считаю, что в число обязательных предметов школьной программы давно пора включить музыку. Своим облагораживающим действием она может наравне с литературой участвовать в формировании характеров, психологии человека, призванного созидать лучшую жизнь... Обо всем этом и заставляет думать конкурс имени Чайковского. В этом смысле он все еще длится во времени!

Итак, доброго пути всем, не только победителям! Пути, не знающего остановки, всегда устремленного к преодолению и совершенствованию...

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Вокалисты — лауреаты V Международного конкурса. Слева направо: Сильвия Шаш (Венгрия), Иван Пономаренко (СССР), Стефка Евстатиева (Болгария), Колош Ковач (Венгрия) и Людмила Сергиенко (СССР).



Первое место завоевал виолончелист Борис Пергаменщиков (СССР).



Пианисты Брижит Анжерер (Франция) и Андрей Гаврилов (СССР, 1-е место).



Русудан Гвасалия (СССР).



Победители конкурса скрипачей Юджин Фодор (США) и Рубен Агаронян (СССР).



Пианист Дэвид Лайвли (США).





Цена номера 30 коп.
Индекс 70663